

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Г.Х.Андерсена

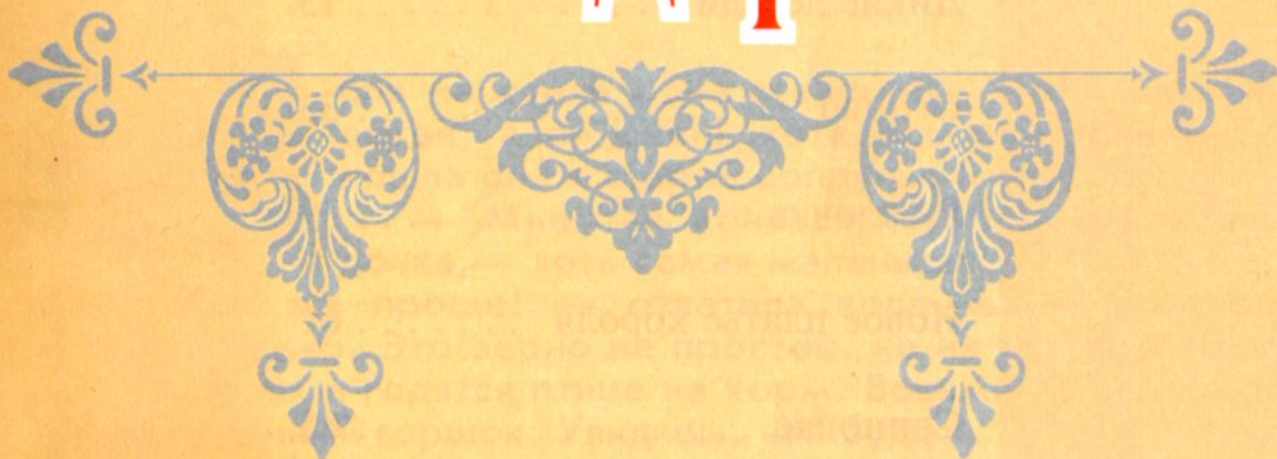
ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАНОК

84.4 (Dai)-4
A 65

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Г.Х.Андерсена

F. Kəçəri adına
Azərbaycan Dövlət Uşaq
KİTAPXANASI
INV. № 236272

ИЗДАТЕЛЬСТВО
РАНОК

Содержание

Дюймовочка	3
Дикие лебеди	15
Огниво	33
Русалочка	39
Новое платье короля	61
Свинопас	65
Снежная королева	71

ДЮЙМОВОЧКА

Жила на свете одна женщина. У неё не было детей, а ей очень хотелось ребёночка. Вот пошла она к старой колдунье и говорит:

— Мне так хочется, чтоб у меня была дочка,— хоть самая маленькая!..

— Чего же проще! — ответила колдунья.— Вот тебе ячменное зерно. Это зерно не простое, не из тех, что зреют у вас на полях и годятся птице на корм. Возьми-ка его да посади в цветочный горшок. Увидишь, что будет.

— Спасибо тебе! — сказала женщина и дала колдунье двенадцать медяков.

Потом она пошла домой и посадила ячменное зёрнышко в цветочный горшок.

Только она его полила, зёрнышко сразу же проросло.

Из земли показались два листочка и нежный стебель. А на стебле появился большой чудесный цветок, вроде тюльпана. Но лепестки цветка были плотно сжаты: он ещё не распустился.

— Какой прелестный цветок! — сказала женщина и поцеловала красивые пёстрые лепестки.

В ту же минуту в сердцевине цветка что-то щёлкнуло, и он раскрылся. Это был в самом деле большой тюльпан, но в чашечке его сидела живая девочка. Она была маленькая-маленькая, всего в дюйм ростом. Поэтому её так и прозвали — Дюймовочка.

Колыбельку для Дюймовочки сделали из блестящей лакированной скорлупки грецкого ореха. Вместо перинки туда положили несколько фиалок, а вместо одеяльца — лепесток розы. В эту колыбельку девочку укладывали на ночь, а днём она играла на столе.

Посредине стола женщина поставила глубокую тарелку с водой, а по краю тарелки разложила цветы. Длинные стебельки их купались в воде, и цветы долго оставались свежими и душистыми. Для маленькой Дюймовочки тарелка с водой была целым озером, и она плавала по этому озеру на лепестке тюльпана, как на лодочке. Вместо вёсел у неё были два белых конских волоса. Дюймовочка целые дни каталась на своей чудесной лодочке, переплывала с одной стороны тарелки на другую и распевала песни. Такого нежного голоска, как у неё, никто никогда не слышал.

Однажды ночью, когда Дюймовочка спала в своей колыбельке, через открытое окно в комнату пробралась большущая старая жаба, мокрая и безобразная. С подоконника она прыгнула на стол и заглянула в скорлупку, где спала под лепестком розы Дюймовочка. «Как хороша! — сказала старая жаба. — Славная невеста будет моему сыну!» Она схватила ореховую скорлупку с девочкой и выпрыгнула через окно в сад.

Возле сада протекала речка, а под самым её берегом было топкое болотце. Здесь-то, в болотной тине, и жила старая жаба со своим сыном. Сын был тоже мокрый и безобразный — точь-в-точь мамаша!

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог он сказать, когда увидел маленькую девочку в ореховой скорлупке.

— Тише ты! Ещё разбудишь, чего доброго, и она убежит от нас, — сказала старая жаба. — Ведь она легче пёрышка. Давай-ка отнесём её на середину реки и посадим там на лист кувшинки — для такой крошки это целый остров. Оттуда уж ей ни за что не убежать.

В реке росло много кувшинок. Их широкие зелёные листья плавали по воде. Самый большой лист был дальше всех от берега. Жаба подплыла к этому листу и поставила на него ореховую скорлупку, в которой спала девочка.

Ах, как испугалась бедная Дюймовочка, проснувшись поутру! Со всех сторон её окружала вода, а берег чуть виднелся вдали. Дюймовочка закрыла глаза руками и горько заплакала.

А старая жаба сидела в тине и украшала свой дом камышом и жёлтыми кувшинками, — она хотела угодить молодой невестке. Когда всё было готово, она подплыла со своим гадким сыном к листу, на котором сидела Дюймовочка, чтобы взять её кроватку и перенести к себе в дом.

Сладко улыбнувшись, старая жаба низко присела в воде перед девочкой и сказала: «Вот мой сынок! Он будет твоим мужем. Вы славно заживёте с ним у нас в тине».

— Коакс, коакс, брекке-ке-кекс! — только и мог сказать сынок.

Жабы взяли скорлупку и уплыли с ней. А Дюймовочка всё стояла одна посреди реки на большом зелёном листе кувшинки и горько-горько плакала — ей вовсе не хотелось жить у гадкой жабы и выходить замуж за её противного сына.

Маленькие рыбки, которые плавали под водой, услышали, что сказала старуха жаба. Жениха с матушкой они видели и раньше. Теперь они высунули из воды головы, чтобы поглядеть на невесту.

Взглянув на Дюймовочку своими круглыми глазками, они ушли на самое дно и стали думать, что же теперь делать. Им было ужасно жалко, что такой миленькой маленькой девочке придётся жить вместе с этими отвратительными жабами где-нибудь под корягой в густой жирной тине. Не бывать же этому! Рыбки со всей речки собрались у листа кувшинки, на котором сидела Дюймовочка, и перегрызли стебелёк.

И вот лист кувшинки поплыл по течению. Течение было сильное, и лист плыл очень быстро. Теперь-то уж старая жаба никак не могла бы догнать Дюймовочку. Дюймовочка плыла всё дальше, а маленькие птички, которые сидели в кустах, смотрели на неё и пели: «Какая миленькая маленькая девочка!»

Белый мотылёк всё время кружился над Дюймовочкой и наконец опустился на лист — уж очень ему понравилась эта крошечная путешественница. А Дюймовочка сняла свой шёлковый пояс, один конец набросила на мотылька, другой привязала к листу, и листок поплыл ещё быстрее.

В это время мимо пролетал майский жук. Он увидел Дюймовочку, схватил её и унёс на дерево. Как испугалась бедная Дюймовочка, когда рогатый жук обхватил её лапками и взвился с ней высоко в воздух! А майскому жуку и горя мало. Он уселся на ветке большого дерева, усадил рядом Дюймовочку и сказал ей, что она ему очень нравится.

Потом к ним пришли в гости другие майские жуки, которые жили на том же дереве. Они с любопытством разглядывали Дюймовочку, а их дочери в недоумении разводили крылышками.

— У неё только две ножки! — говорили одни.

— У неё даже нет щупалец! — говорили другие.

— Очень на человека похожа, и к тому же некрасивая, — решили наконец все жуки.

Даже майскому жуку, который принёс Дюймовочку, показалось теперь, что она совсем нехороша, и он решил с ней распрощаться — пусть идёт куда знает. Он слетел с Дюймовочкой вниз и посадил её на ромашку.

Дюймовочка сидела на цветке и плакала: ей было грустно, что она такая некрасивая. Даже майские жуки прогнали её!

А на самом деле лучше её и на свете-то никого не было.

Всё лето прожила Дюймовочка одна-одинёшенька в большом лесу. Она сплела себе из травы колыбельку и подвесила её под большим листом лопуха, чтобы укрываться от дождя и от солнышка. Она ела сладкий цветочный мёд и пила росу, которую каждое утро находила на листьях.

Так прошло лето, прошла и осень. Близилась долгая зима. Холод пробирал Дюймовочку насквозь. Тогда Дюймовочка решила уйти из лесу и поискать себе приют на зиму.

За лесом, в котором она жила, было большое поле. Хлеб с поля уже убрали, и только короткие стебельки торчали из мёрзлой земли. В поле было ещё холоднее, чем в лесу, и Дюймовочка совсем замёрзла, пока пробиралась между высохшими стеблями. Наконец она добрела до норки полевой мыши. Вход в норку был заботливо прикрыт травинками и былинками.

Полевая мышь жила в тепле и довольстве: кухня и кладовая у неё были битком набиты хлебными зёрнами. Дюймовочка, как нищенка, остановилась у порога и попросила подать ей хоть кусочек ячменного зерна — вот уже два дня во рту у неё не было ни крошки.

— Ах ты, бедняжка! — сказала полевая мышь (она была, в сущности, добрая старуха). — Ну, иди сюда, погрейся да поешь со мною!

И Дюймовочка спустилась в норку, обогрелась и поела.

— Ты мне нравишься, — сказала ей мышь, поглядев на неё блестящими, как бисер, чёрными глазками. — Оставайся-ка у меня на зиму. Я буду кормить тебя, а ты прибирай хорошенько мой дом да рассказывай мне сказки — я до них большая охотница.

И Дюймовочка осталась. Она делала всё, что приказывала ей старая мышь, и жилось ей очень даже неплохо в тёплой укромной норке.

— Скоро у нас будут гости,— сказала ей однажды полевая мышь.— Раз в неделю меня приходит навестить мой сосед. Он очень богат и живёт куда лучше меня. У него большой дом под землёй, а шубу он носит такую, какой ты, верно, и не видывала,— великолепную чёрную шубу! Выходи, девочка, за него замуж! С ним не пропадёшь! Одна беда: он слеп и не разглядит, какая ты хорошенькая. Ну, уж ты зато расскажешь ему самую лучшую сказку, какую только знаешь.

Но Дюймовочке не хотелось выходить замуж за богатого соседа: ведь это был крот — угрюмый подземный житель.

Вскоре сосед и в самом деле пришёл к ним в гости.

Правда, шубу он носил очень нарядную — из тёмного бархата. Но он терпеть не мог солнца и ругал все цветы.

Хозяйка-мышь заставила Дюймовочку спеть для дорогого гостя, и девочка волей-неволей спела две песенки, да так хорошо, что крот пришёл в восхищение.

Побывав в гостях у соседки, крот прорыл под землёй длинный коридор от своего дома до самой норки полевой мыши и пригласил старушку вместе с приёмной дочкой прогуляться

по этой подземной галерее. Он взял в рот гнилушку — в темноте гнилушка светит не хуже свечки — и пошёл вперёд, освещая дорогу. На полпути крот остановился и сказал:

— Здесь лежит какая-то птица. Но нам её нечего бояться — она мёртвая. Да вот можете сами поглядеть.

И крот стал тыкаться своим широким носом в потолок, пока не прорыл в нём дыру. Дневной свет проник в подземный ход, и Дюймовочка увидела мёртвую ласточку.

Девочке стало очень жалко её. Она так любила этих весёлых легкокрылых птичек: ведь они целое лето пели ей чудесные песни и учили её петь. Но крот толкнул ласточку своими короткими лапами и проворчал:

— Что, небось притихла? Не свистишь больше? Вот то-то и есть!.. Да, не хотел бы я быть этакой пичужкой. Только и умеют носиться в воздухе да щебетать. А придёт зима — что им делать? Помирай, и всё тут.

— Да, да,— сказала полевая мышь.— Какой прок от этого чириканья и щебета? Песнями сыт не будешь, чириканьем зимой не согреешься!

Дюймовочка молчала. Но когда крот и мышь повернулись к птице спиной, она нагнулась к ласточке, раздвинула пёрышки и поцеловала её прямо в закрытые глаза.

Ночью Дюймовочке не спалось. Она встала с постели, сплела из сухих былинки большой ковёр и, пробравшись в подземную галерею, прикрыла им мёртвую птичку.

— Прощай, милая ласточка, — сказала Дюймовочка. — Спасибо тебе за то, что ты пела мне свои чудесные песни летом.

И она прижалась головой к пёрышкам на груди у птички.

И вдруг она услышала, что в груди у ласточки что-то мерно застучало: «Стук! Стук!» — сначала тихо, а потом громче и громче. Это забилося сердце ласточки. Ласточка была не мёртвая — она только ооченела от холода, а теперь согрелась и ожива. Когда девочка поняла, что птица жива, она и обрадовалась, и испугалась. Ещё бы не испугаться!

Ведь рядом с ней ласточка казалась такой огромной птицей.

Но всё-таки Дюймовочка собралась с духом, потеплее укрыла ласточку своим плетёным ковром, а потом сбегала домой, принесла листочек мяты, которым сама укрывалась вместо одеяла, и укутала им голову птицы.

На следующую ночь Дюймовочка опять потихоньку пробралась к ласточке. Птица уже совсем

ожила, но была ещё очень слаба и еле открыла глаза, чтобы посмотреть на девочку.

— Спасибо тебе, милая крошка! — сказала больная ласточка. — Я так хорошо согрелась! Скоро я совсем поправлюсь и опять вылечу на солнышко.

— Ах, — сказала Дюймовочка, — теперь так холодно, идёт снег! Останься лучше в своей тёплой постельке, а я буду ухаживать за тобой.

И она принесла ласточке ячменных зёрнышек и воды в цветочном лепестке. Ласточка попила, поела, а потом рассказала девочке, как она поранила себе крыло о терновый куст и не могла улететь вместе с другими ласточками в тёплые края. Пришла зима, стало очень холодно, и она упала на землю... Больше уже ласточка ничего не помнила.

Всю зиму прожила ласточка в подземной галерее, а Дюймовочка ухаживала за ней. Ни кроту, ни полевой мыши она не сказала об этом — ведь оба они совсем не любили птиц.

Когда настала весна, Дюймовочка открыла окошко в потолке. Ласточка простилась с девочкой, расправила крылышки, но, прежде чем вылететь, спросила, не хочет ли Дюймовочка выбраться вместе с ней на волю.

Но Дюймовочке было жалко бросить старую полевую мышь.

— Нет, мне нельзя! — сказала она, вздыхая.

— Ну что ж, прощай! Прощай, милая девочка! — прошептала ласточка и скрылась в зелёном лесу.

А Дюймовочка осталась в мышиной норе. С каждым днём ей жилось всё хуже. И вот однажды старуха мышь сказала Дюймовочке: «Наш сосед, старый крот, приходил свататься к тебе. Теперь тебе нужно готовить приданое».

И Дюймовочке пришлось по целым дням прясть пряжу.

Старуха мышь наняла четырёх пауков. Они сидели по углам мышиной норки и втихомолку делали своё дело — ткали разные ткани и плели кружева из самой тонкой паутины.

Слепой крот приходил каждый вечер в гости и болтал о том, что скоро лету будет конец, солнце перестанет палить землю и она снова сделается мягкой и рыхлой. Вот тогда-то они и сыграют свадьбу. Но Дюймовочка грустила и плакала: она совсем не хотела выходить замуж за толстого слепого крота.

Каждое утро, на восходе солнца, и каждый вечер, на закате, Дюймовочка выходила на порог мышиной норки. «Как светло, как хорошо тут на поле!» — думала девочка и всё вспоминала о ласточке. Ей очень хотелось бы повидаться с птичкой, но ласточка не показывалась над полем.

И вот наступила осень. «Через четыре недели твоя свадьба!» — сказала Дюймовочке полевая мышь. Но малышка заплакала и ответила, что не хочет выходить замуж за крота.

Старуха мышь рассердилась.

— Пустяки! — сказала она. — Не упрячься, а не то попробуешь моих зубов. Чем тебе крот не муж?

Наконец настал день свадьбы, и крот пришёл за своей невестой. Значит, ей всё-таки придётся идти с ним в его тёмную нору, жить там, глубоко-глубоко под землёй, и никогда не видеть ни белого света, ни ясного солнышка?!

И вот Дюймовочка вышла взглянуть на белый свет в последний раз. Хлеб уже был убран с поля, и опять из земли торчали одни голые, засохшие стебли.

— Тви-вить, тви-вить! — вдруг раздалось у неё над головой.

Дюймовочка подняла голову и увидела ласточку, которая пролетала над полем. Ласточка тоже увидела девочку и очень обрадовалась. Она опустилась на землю, и Дюймовочка, плача, рассказала своей подруге, как ей не хочется выходить замуж за старого угрюмого крота.

— Уже наступает холодная зима, — сказала ласточка, — и я улетаю далеко-далеко, в дальние страны. Хочешь лететь со мной? Садись ко мне на спину, только привяжи себя покрепче поясом, и мы улетим с тобой от гадкого крота, улетим далеко, за синие моря, в тёплые края, где солнышко светит ярче, где стоит вечное лето и всегда цветут цветы.

— Да, да, я полечу с тобой! — сказала Дюймовочка.

Она села ласточке на спину и крепко привязала себя поясом к самому большому и крепкому перу.

Ласточка взвилась к небу и полетела над тёмными лесами, над синими морями и высокими горами, покрытыми снегом.

Вот наконец и тёплые края! Солнце сияло тут гораздо ярче, чем у нас, небо было выше, а вдоль изгородей вился кудрявый зелёный виноград.

На берегу прозрачного голубого озера стоял белый мраморный дворец. Виноградные лозы обвивали его высокие колонны, а наверху, под крышей, лепились птичьи гнёзда.

— Вот мой дом! — сказала ласточка. — А ты выбери себе самый красивый цветок. Я посажу тебя в его чашечку, и ты отлично заживёшь.

Дюймовочка обрадовалась и от радости захлопала в ладоши. Внизу, в траве, между мраморными обломками росли крупные, белые как снег цветы. Ласточка спустилась и посадила девочку на широкий лепесток. Но что за чудо? В чашечке цветка оказался маленький человечек, такой светлый и прозрачный, словно он был из хрусталя или из утренней росы. За плечами у него дрожали лёгкие крылышки, на голове блестела маленькая золотая корона, а ростом он был не больше нашей Дюймовочки. Это был король эльфов.

Он никогда ещё не видал такой красивой девочки одного с ним роста. Он низко поклонился ей и спросил, как её зовут.

— Дюймовочка! — ответила девочка.

— Милая Дюймовочка, — сказал эльф, — согласна ли ты быть моей женой, королевой цветов?

Дюймовочка поглядела на красивого эльфа. Ах, он был совсем не похож на глупого, грязного сынка старой жабы и на слепого крота в бархатной шубе! И она сразу согласилась.

Тогда из каждого цветка вылетели эльфы. Они окружили Дюймовочку и одарили её чудесными подарками.

Больше всех подарков понравились Дюймовочке крылья — пара прозрачных лёгких крылышек, совсем как у стрекозы. Их привязали Дюймовочке за плечами, и она тоже могла теперь летать с цветка на цветок. То-то была радость!

Все эльфы закружились над цветами в весёлом хороводе, сами лёгкие и яркие, как лепестки цветов. А ласточка сидела наверху в своём гнезде и распевала песни как умела.

ДИКИЕ ЛЕБЕДИ

Алеко-далеко, в той стране, куда улетают от нас на зиму ласточки, жил король. У него было одиннадцать сыновей и одна дочка, Элиза. Одиннадцать братьев-принцев уже ходили в школу; писали они на золотых досках алмазными грифелями и отлично умели читать. Сразу было слышно, что читают настоящие принцы! Сестрица их Элиза сидела на скамеечке из зеркального стекла и рассматривала книжку с картинками, за которую было заплачено полкоролевства. Да, хорошо жилось детям, только недолго!

Отец их женился на злой королеве, которая невзлюбила бедных детей. Им пришлось испытать это в первый же день; дети затеяли игру в гости, но мачеха вместо пирожных дала им чашку песка и сказала, что они могут представить себе, будто это угощение. Через неделю она отдала сестрицу Элизу на воспитание в деревню каким-то крестьянам, а прошло ещё немного времени, и она успела столько наговорить королю о бедных принцах, что он больше и видеть их не хотел.

— Убирайтесь-ка подобра-поздорову на все четыре стороны! — сказала злая королева. — Обернитесь большими немymi птицами и улетайте прочь! Позаботьтесь о себе сами!

Но она не могла сделать им такого зла, как бы ей хотелось, — они превратились в одиннадцать прекрасных диких лебедей, с криком вылетели из дворцовых окон и понеслись над парками и лесами.

Было раннее утро, когда они пролетали мимо избы, где спала ещё крепким сном их сестрица Элиза. Они принялись кружить над крышей, вытягивали свои длинные шеи и хлопали крыльями, но никто не слышал и не видел их; так им и пришлось улететь ни с чем. Высоко-высоко взвились они к самым облакам и полетели в большой, тёмный лес, что тянулся до самого моря.

Бедняжка Элиза стояла в крестьянской избе и играла зелёным листочком — других игрушек у неё не было; она проткнула в листке дырочку, смотрела сквозь неё на солнышко, и ей казалось, что она видит ясные глаза своих братьев.

Дни шли за днями, один как другой. Колыхал ли ветер розовые кусты, росшие возле дома, и шептал розам: «Есть ли кто-нибудь красивее вас?» — розы качали головками и говорили: «Элиза красивее». Сидела ли в воскресный день у дверей своего домика какая-нибудь старушка, читавшая псалтырь, а ветер переворачивал листы, спрашивая у книги: «Есть ли кто набожнее тебя?» — книга отвечала: «Элиза набожнее!»

И розы, и псалтырь говорили сущую правду.

Но вот Элизе минуло пятнадцать лет, и её отправили домой. Увидав, какая она хорошенькая, королева разгневалась и возненавидела падчерицу. Она с удовольствием превратила бы её в дикого лебедя, да нельзя было сделать этого сейчас же, потому что король хотел видеть свою дочь.

И вот рано утром королева пошла в мраморную купальню, убранную чудными коврами и мягкими подушками, взяла трёх жаб, поцеловала каждую и сказала первой:

— Сядь Элизе на голову, когда она войдёт в купальню; пусть она делается такою же тупой и ленивой, как ты! А ты сядь ей на лоб! — сказала она другой. — Пусть Элиза станет такою же безобразной, как ты, и отец не узнает её! Ты же ляг на её сердце! — шепнула королева третьей жабе. — Пусть она будет злонравной и пусть мучается от этого!

Затем она спустила жаб в прозрачную воду, и вода сейчас же вся позеленела. Позвав Элизу, королева раздела её и велела ей войти в воду. Элиза послушалась, и одна жаба села ей на темя, другая на лоб, а третья на грудь; но Элиза даже не заметила этого, и, как только вышла из воды, по воде поплыли три красных мака. Если бы жабы не были отравлены поцелуем ведьмы, они превратились бы, полежав у Элизы на голове и на сердце, в красные розы; но они всё равно стали цветами — девушка была так набожна и невинна; что колдовство не имело над ней власти.

Увидав это, злая королева натёрла Элизу соком грецкого ореха, так что она стала совсем коричневой, вымазала ей личико вонючей мазью и спутала её чудные волосы. Теперь нельзя было узнать прелестную Элизу. Даже отец её испугался и сказал, что это не его дочь. Никто не признавал её, кроме цепной собаки да ласточек, но кто стал бы слушать бедных тварей!

Azərbaycan Dövlət Uşaq
KITABXANASI
№ 236277

Заплакала Элиза и вспомнила о своих одиннадцати братьях; тайком ушла она из дворца и целый день брела по полям и болотам, пробираясь к лесу. Элиза и сама хорошенько не знала, куда ей надо идти, но так истосковалась по своим братьям, которые тоже были изгнаны из родного дома, что решила искать их повсюду, пока не найдёт.

Недолго пробыла она в лесу, как уже настала ночь, и Элиза совсем сбилась с дороги; тогда она улеглась на мягкий мох, прочла молитву на сон грядущий и склонила голову на пень. В лесу стояла тишина, воздух был такой тёплый, в траве мелькали, точно зелёные огоньки, сотни светлячков, а когда Элиза задела рукой за какой-то кустик, они посыпались в траву звёздным дождём.

Когда Элиза проснулась, солнышко стояло уже высоко. Невдалеке слышалось журчание источника; оказалось, что тут бежало несколько больших ручьёв, вливавшихся в пруд с чудным песчаным дном. Вода в пруду была чистая и прозрачная; не шевели ветер ветвей деревьев и кустов, можно было бы подумать, что и деревья, и кусты нарисованы на дне, до того ясно отражались они в зеркале вод.

Увидев своё лицо, Элиза совсем перепугалась, такое оно было чёрное и гадкое; но вот она зачерпнула горстью воды, потёрла глаза и лоб, и опять заблестела её белая нежная кожа. Тогда Элиза разделась и вошла в прохладную воду. Такой прелестной принцессы не сыскать было во всём свете!

Одевшись и заплетя свои длинные волосы, она подошла к журчащему источнику, напилась воды прямо из пригоршни и потом пошла дальше по лесу, сама не зная куда. Она думала о своих братьях и надеялась, что Бог не покинет её: это он ведь повелел расти диким лесным яблокам, чтобы напитать ими голодных; он же указал ей одну из таких яблонь, ветви которой гнулись от тяжести плодов. Утолив голод, Элиза подпёрла ветви палочками и углубилась в самую чащу леса. Ни единой птички не залетало в эту глушь, ни единый солнечный луч не проскальзывал сквозь густую чащу ветвей. Высокие стволы стояли плотными рядами, точно бревенчатые стены; никогда ещё Элиза не чувствовала себя такой одинокой.

Ночью стало ещё темнее; во мху не светилось ни единого светлячка. Печально улеглась Элиза на траву, и вдруг ей показалось, что ветви над ней раздвинулись и на неё глянул добрыми очами сам господь Бог; маленькие ангелочки выглядывали из-за его головы и из-под рук.

Проснувшись утром, она и сама не знала, было ли то во сне или наяву.

Отправившись дальше, Элиза встретила старушку с корзинкой ягод; старушка дала девушке горсточку ягод, а Элиза спросила её, не проезжали ли тут, по лесу, одиннадцать принцев.

— Нет, — сказала старушка, — но вчера я видела здесь на реке одиннадцать лебедей в золотых коронах.

И старушка вывела Элизу к обрыву, под которым протекала река. По обоим берегам росли деревья, простиравшие навстречу друг другу свои длинные, густо покрытые листьями ветви. Те из деревьев, которым сперва не удавалось сплести своих ветвей с ветвями их братьев на противоположном берегу, так вытягивались над водой, что корни их вылезали из земли, и они всё же добивались своего.

Элиза простилась со старушкой и пошла к устью реки, впадавшей в море.

И вот перед молодой девушкой открылось чудное безбрежное море, но на всём его просторе не виднелось ни одного паруса, не было ни единой лодочки, на которой бы она могла пуститься в дальнейший путь. На выброшенных морем сухих водорослях лежали одиннадцать белых лебединых перьев; Элиза собрала их и связала в пучок; на перьях ещё блестели капли — росы или слёз, кто знает?

Когда солнце было близко к закату, Элиза увидела вереницу летевших к берегу диких лебедей в золотых коронах; лебедей было одиннадцать, и летели они один за другим, вытянувшись длинной белой лентой. Элиза взобралась на верх

обрыва и спряталась за куст. Лебеди опустились недалеко от неё и захлопали своими большими белыми крыльями.

В ту же самую минуту, когда солнце скрылось под водой, оперение с лебедей вдруг спало, и на берегу очутились одиннадцать красавцев принцев, Элизиных братьев! Элиза сразу узнала их, несмотря на то, что они сильно изменились! Она бросилась в их объятия, называла их всех по именам, а они-то как обрадовались, увидав и узнав свою сестрицу, которая так выросла и похорошела. Элиза и её братья смеялись и плакали и скоро узнали друг от друга, как скверно поступила с ними мачеха.

— Мы, братья, — сказал самый старший, — заколдованы в диких лебедей и летаем весь день-деньской, от восхода до самого заката, когда же солнце садится, мы опять принимаем человеческий образ. Поэтому ко времени захода солнца мы всегда должны иметь под ногами твёрдую землю: случись нам превратиться в людей во время нашего полёта под облаками, мы тотчас же упали бы с такой страшной высоты. Живём мы далеко за морем. Лишь раз в год позволено нам прилетать на родину; мы можем оставаться здесь одиннадцать дней и летать над этим большим лесом, откуда нам виден дворец, где мы родились и где живёт наш отец, и колокольня церкви, где покоится наша мать. Тут наша родина, сюда тянет нас всем сердцем, и здесь-то мы нашли тебя, милая, дорогая сестрица! Два дня ещё можем мы пробыть здесь, а затем должны улетать за море! Как же нам взять тебя с собой? У нас нет ни корабля, ни лодки!

— Как бы мне освободить вас от чар? — спросила братьев сестра.

Так они проговорили почти всю ночь и задремали только на несколько часов.

Элиза проснулась от шума лебединых крыльев. Братья опять стали птицами и летали в воздухе большими кругами, а потом и совсем скрылись из виду. С Элизой остался только самый младший из братьев; лебедь положил свою голову ей на колени, а она гладила и перебирала его пёрышки. Целый день провели они вдвоём, к вечеру же прилетели и остальные, и, когда солнце село, все вновь приняли человеческий образ.

— Завтра мы должны улетать отсюда и сможем вернуться не раньше будущего года, но тебя мы не покинем здесь! — сказал младший брат. — Хватит ли у тебя мужества улететь с нами? Мои руки достаточно сильны, чтобы пронести тебя через лес, — неужели же мы все не сможем перенести тебя на крыльях через море?

— Да, возьмите меня с собой! — сказала Элиза.

Всю ночь провели они за плетеньем сетки из гибкого лозняка и тростника; сетка вышла большая и прочная; в неё положили Элизу; превратившись на восходе солнца в лебедей, братья схватили сетку клювами и взвились с милой, спавшей ещё крепким сном сестрицей к облакам. Солнце светило ей прямо в лицо, поэтому один из лебедей полетел над головой Элизы, осеняя её своими широкими крыльями.

Они были уже далеко от земли, когда Элиза проснулась, и ей показалось, что она видит сон наяву, так странно было ей лететь по воздуху. Возле неё лежали ветка с чудесными спелыми ягодами и пучок вкусных кореньев; их набрал и положил ей самый младший из братьев, и она благодарно улыбнулась ему, — она догадалась, что это он летел над ней и защищал её от солнца своими крыльями.

Целый день летели лебеди, как пущенная из лука стрела, но всё-таки медленнее обыкновенного; теперь ведь они несли сестру. День стал клониться к вечеру, поднялась непогода; Элиза со страхом следила за тем, как опускалось солнце, — одинокого морского утёса всё ещё не было видно. Ей показалось, что лебеди как-то часто машут крыльями. Ах, это она была виной того, что они не могли лететь быстрее! Зайдёт солнце, они станут людьми, упадут в море и утонут. И она от всего сердца стала молиться Богу, но утёс всё не показывался. Чёрная туча приближалась, сильные порывы ветра предвещали бурю, облака собрались в сплошную грозную свинцовую волну, катившуюся по небу; молния сверкала за молнией.

Одним своим краем солнце почти уже касалось воды; сердце Элизы затрепетало; лебеди вдруг стремительно полетели вниз, и девушка подумала было, что все они падают; но нет, они опять летели вперёд. Солнце наполовину скрылось под водой, и тогда Элиза вдруг увидела под собой утёс, величиною не больше тюленя, высунувшего из воды голову. Как только лебеди ступили ногой на твёрдую почву, солнце погасло. Элиза увидела вокруг себя братьев, стоявших рука об руку; все они едва умещались на крошечном утёсе. Море бешено билось об него и окатывало их целым дождём брызг;

небо пылало от молний, и ежеминутно грохотал гром.

На заре буря улеглась, опять стало ясно и тихо; с восходом солнца лебеди с Элизой полетели дальше. Море ещё волновалось, и они видели с высоты, как плыла по тёмно-зелёной воде, точно несметные стаи лебедей, белая пена.

Когда солнце поднялось выше, Элиза увидела перед собой как бы плавающую в воздухе гористую страну; между скалами возвышался огромный замок, украшенный многоярусной колоннадой; внизу под ним качались пальмовые леса и роскошные цветы, величиною с мельничные колёса. Элиза спросила, не та ли это страна, куда они летят, но лебеди покачали головами; она видела перед собой чудный, вечно изменяющийся облачный замок Фата-Морганы; туда не смеет проникнуть ни единая человеческая душа. Элиза опять устремила свой взор вниз, и вот горы, леса и замок сдвинулись вместе, и из них образовались двадцать одинаковых величественных церквей с высокими колокольнями и стрельчатыми окнами. Ей показалось даже, что она слышит звуки органа, но это шумело море. Да, перед глазами у неё возникали вечно сменяющиеся картины!

Но вот наконец показалась и настоящая земля, куда они летели. Там возвышались красивые голубые горы, поросшие кедровыми лесами, виднелись города и замки. Задолго до захода солнца Элиза сидела на скале перед большою пещерой, точно обвешанной вышитыми зелёными коврами, — так увидели её нежно-зелёные ползучие растения.

— Посмотрим, что приснится тебе тут ночью! — сказал младший из братьев и указал сестре её спальню.

— Ах, если бы мне приснилось, как освободить вас от чар! — сказала она, — эта мысль не выходила у неё из головы.

Элиза стала усердно молиться Богу и продолжала свою молитву даже во сне. И вот ей пригрезилось, что она летит высоко-высоко по воздуху к замку Фата-Морганы и что фея сама выходит ей навстречу, такая светлая и прекрасная, но в то же время удивительно похожая на ту старушку, которая дала Элизе в лесу ягод и рассказала о лебедях в золотых коронах.

— Твоих братьев можно спасти, — сказала она. — Но хватит ли у тебя мужества и стойкости? Вода мягче твоих нежных рук и всё-таки шлифует камни, но она не ощущает боли, которую будут ощущать твои пальцы; у воды нет сердца, которое стало бы изнывать от страха и муки, как твоё.

Видишь, у меня в руках крапива? Такая крапива растёт здесь возле пещеры, и только она, да ещё та крапива, что растёт на кладбищах, может тебе пригодиться; заметь же её! Ты нарвёшь этой крапивы, хотя твои руки покроются волдырями от ожогов; потом разомнёшь её ногами, ссучишь из полученного волокна крепкие нити, затем сплетьёшь из них одиннадцать рубашек-панцирей с длинными рукавами и набросишь их на лебедей; тогда колдовство исчезнет. Но помни, что с той минуты, как ты начнёшь свою работу, и до тех пор, пока не окончишь её, хотя бы она длилась целые годы, ты не должна говорить ни слова. Первое же слово, которое сорвётся у тебя с языка, пронзит сердца твоих братьев, как кинжалом.

И фея коснулась её руки жгучею крапивой; Элиза почувствовала боль, как от ожога, и проснулась. Был уже светлый день, и рядом с ней лежал пучок крапивы, точно такой же, как та, которую она видела сейчас во сне. Тогда она упала на колени, поблагодарила Бога и вышла из пещеры, чтобы сейчас же приняться за работу.

Своими нежными руками рвала она злую, жгучую крапиву, и руки её покрывались крупными волдырями, но она с радостью переносила боль: только бы удалось ей спасти милых братьев! Потом она размяла крапиву голыми ногами и стала сучить зелёное волокно.

С заходом солнца явились братья и очень испугались, видя, что она стала немой. Они думали, что это новое колдовство их злой мачехи, но, взглянув на её руки, поняли, что она стала немой ради их спасения. Самый младший из братьев заплакал; слёзы его падали ей на руки, и там, куда падала слезинка, исчезали жгучие волдыри, утихала боль.

Ночь Элиза провела за работой; она не знала покоя и думала только о том, как бы поскорее освободить своих милых братьев. Весь следующий день, пока лебеди летали, она оставалась одна-одинёшенька, но никогда ещё время не бежало для неё с такой быстротой. Одна рубашка-панцирь была уже готова, и девушка принялась за следующую.

Вдруг в горах слышались звуки охотничьих рогов; Элиза испугалась; звуки всё приближались, затем раздался лай собак. Девушка скрылась в пещеру, связала всю собранную ею крапиву в пучок и села на него.

В ту же минуту из-за кустов выпрыгнула большая собака, за ней другая и третья; они громко лаяли и бегали взад и вперёд. Через несколько минут у пещеры собрались все охотники; самый красивый из них был король той страны; он подошёл к Элизе, — никогда ещё не встречал он такой красавицы!

— Как ты попала сюда, прелестное дитя? — спросил он, но Элиза только качала головой; она ведь не смела говорить: от её молчания зависели жизнь и спасение её братьев. Руки свои Элиза спрятала под передник, чтобы король не увидел как она страдает.

— Пойдём со мной! — сказал он. — Здесь тебе нельзя оставаться! Если ты так же добра, как хороша, я наряжу тебя в шёлк и бархат, надену тебе на голову золотую корону, и ты будешь жить в моём великолепном дворце!

И он посадил её на седло перед собой; Элиза горько плакала и ломала руки, но король сказал: «Я ведь хочу тебе счастья. Когда-нибудь ты сама поблагодаришь меня!»

И он повёз её через горы, а охотники скакали следом.

К вечеру показалась великолепная столица короля, с церквями и куполами, и король привёл Элизу в свой дворец, где в высоких мраморных покоях журчали фонтаны, а стены и потолки были изукрашены живописью. Но Элиза не смотрела ни на что, плакала и тосковала; безучастно отдалась она в распоряжение прислужниц, и те надели на неё королевские одежды, вплели ей в волосы жемчужные нити и натянули на обожжённые пальцы тонкие перчатки.

Богатые уборы так шли к ней, она была в них так ослепительно хороша, что весь двор преклонился перед ней, а король провозгласил её своей невестой, хотя архиепископ и покачивал головой, нащёптывая королю, что лесная красавица, должно быть, ведьма, что она отвела им всем глаза и околдовала сердце короля.

Король, однако, не стал его слушать, подал знак музыкантам, велел вызвать прелестнейших танцовщиц и подавать на стол дорогие блюда, а сам повёл Элизу через благоухающие сады в великолепные покои, она же оставалась по-прежнему грустной и печальной.

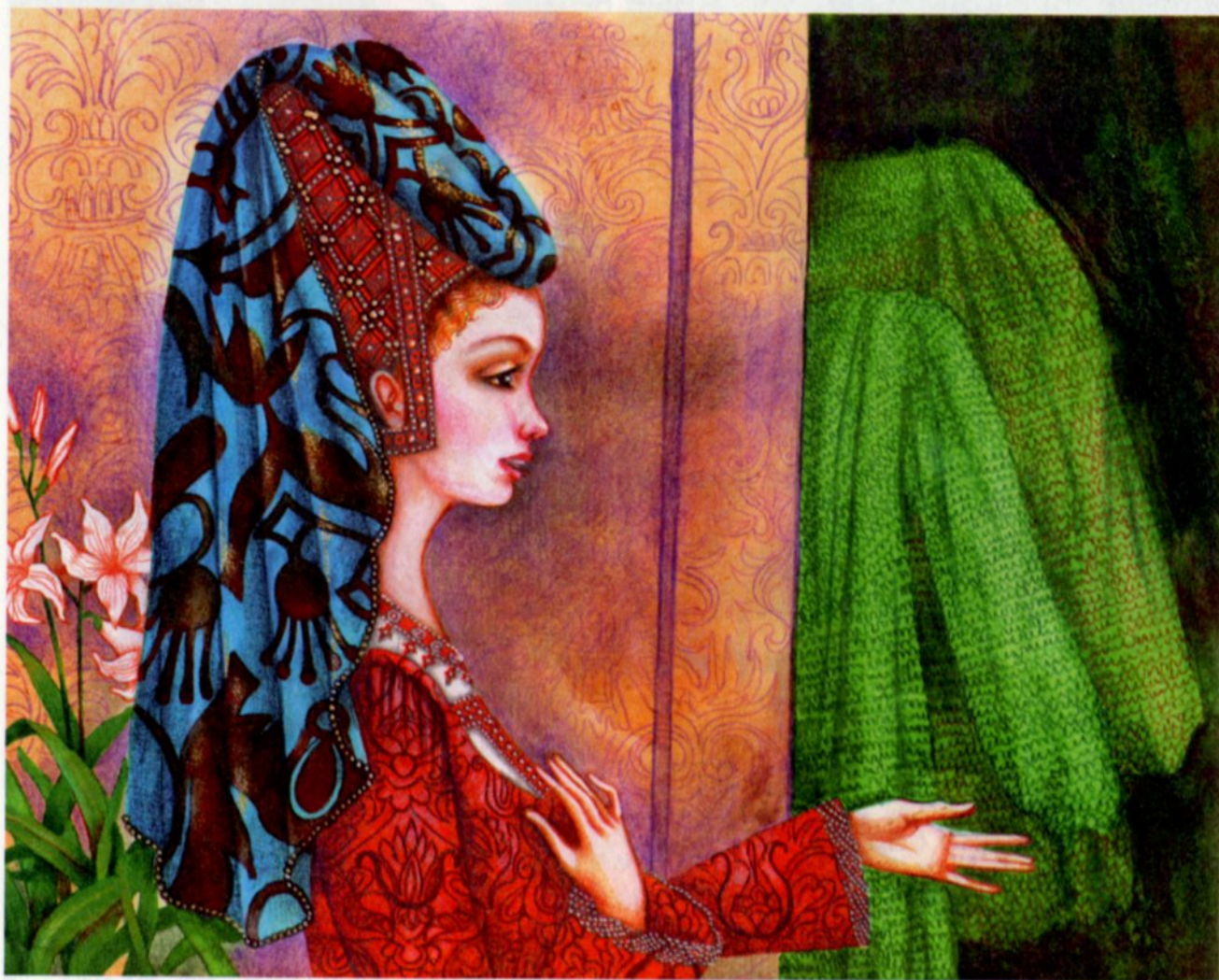

Но вот король открыл дверцу в маленькую комнату, находившуюся как раз возле её спальни. Комнатка вся была увешана зелёными коврами и напоминала лесную пещеру, где нашли Элизу; на полу лежала связка крапивного волокна, а на потолке висела сплетённая Элизой рубашка-панцирь.

— Вот тут ты можешь вспомнить своё прежнее жилище! — сказал король. — Тут и работа твоя; может быть, ты пожелаешь иногда поразвлечься воспоминаниями о прошлом!

Увидав дорогую её сердцу работу, Элиза улыбнулась, и прежний румянец вновь окрасил её щеки; она подумала о спасении братьев и поцеловала королю руку, а он прижал её к груди и велел звонить в колокола по случаю своей свадьбы. Немая лесная красавица стала королевой.

Архиепископ продолжал нашептывать королю злые речи, но они не доходили до сердца короля, и свадьба состоялась. Архиепископ сам должен был надеть на невесту корону; с досады он так плотно надвинул ей на лоб узкий золотой обруч, что всякому стало бы больно, но она даже не обратила на это внимания: что значила для неё телесная боль, если сердце её изнывало от тоски и жалости к милым братьям!

Губы её по-прежнему были сжаты, ни единого слова не вылетало из них — она знала, что от её молчания зависит жизнь братьев, — зато в глазах светилась горячая любовь к доброму красивому королю, который делал всё, чтобы порадовать её. О! Если бы она могла довериться ему, но — увы! — она должна молчать, пока не окончит своей работы.

По ночам она тихонько уходила из королевской спальни в свою потаённую комнатку, похожую на пещеру, и плела там одну рубашку-панцирь за другой, но когда принялась уже за седьмую, у неё вышло всё волокно.

Она знала, что такую крапиву можно найти на кладбище, но ведь она должна была рвать её сама; как же быть?

«О, что значит телесная боль в сравнении с печалью, терзающею моё сердце! — думала Элиза. — Я должна решиться!»

Сердце её сжималось от страха, когда она пробиралась лунной ночью в сад, а оттуда по длинным аллеям и пустынным улицам на кладбище. На широких могильных плитах сидели отвратительные ведьмы. Элизе пришлось пройти мимо них, но она сотворила молитву, набрала крапивы и вернулась домой.

Лишь один человек не спал в ту ночь и видел её — архиепископ.

Он рассказал королю о том, что видел и назвал Элизу ведьмой. Злые слова так и сыпались у него с языка. Две крупные слезы покатались по щекам короля, сомнение и отчаяние овладели его сердцем. Ночью он только притворился, что спит, на самом же деле сон бежал от него. И вот он увидел, что Элиза встала и выскользнула из спальни; в следующие ночи повторилось то же самое.

Чело короля становилось всё мрачнее. Элиза замечала это, но не понимала причины. Скоро скоро конец её работе; недоставало всего одной рубашки, и тут у Элизы опять не хватило волокна. Ещё раз, последний раз, нужно было сходить на кладбище. Элиза отправилась в путь, но король с архиепископом следили за ней и видели, как она скрылась за кладбищенской оградой.

Подойдя поближе, они увидели сидевших на могильных плитах ведьм, и король повернул назад; между этими ведьмами была и та, чья голова только что покоилась у него на груди.

— Пусть судит её народ! — сказал он.

И народ присудил — сжечь королеву на костре. Из великолепных королевских покоев Элизу перевели в мрачное, сырое подzemелье с железными решётками на окнах, в которые со свистом врывался ветер. Вместо бархата и шёлка дали бедняжке связку набранной ею на кладбище крапивы; эта жгучая связка должна была служить Элизе изголовьем, а сплетённые ею жёсткие рубашки-панцири — постелью и коврами; но дорожке этого ей ничего не было. И она с молитвой на устах вновь принялась за свою работу.

Чтобы хоть немножко помочь ей, мышки, шмыгавшие по полу, стали собирать и приносить к её ногам разбросанные стебли крапивы, а дрозд, сидевший за решётчатым окном, утешал её своею весёлою песенкой.

На заре, незадолго до восхода солнца, у дворцовых ворот появились одиннадцать братьев Элизы и потребовали, чтобы их впустили к королю. Им отвечали, что этого никак нельзя: король ещё спал и никто не смел его беспокоить. Они продолжали просить, потом стали угрожать; явилась стража, а затем вышел и сам король узнать, в чём дело. Но в эту минуту взошло солнце, и братьев не стало — над дворцом взвились одиннадцать диких лебедей.

Народ валом повалил за город посмотреть, как будут жечь ведьму. Жалкая кляча везла телегу, в которой сидела Элиза; на неё накинута плащ из грубой мешковины; её чудные длинные волосы были распущены по плечам, в лице не было ни кровинки, губы тихо шевелились, шепча молитвы, а пальцы плели зелёную пряжу. Даже по дороге к месту казни не выпускала она из рук начатой работы; десять рубашек-панцирей лежали у её ног совсем готовые, одиннадцатую она плела. Толпа глумилась над нею.

— Посмотрите на ведьму! Ишь, бормочет! Небось не молитвенник у неё в руках — нет, всё возится со своими колдовскими штуками! Вырвем-ка их у неё да разорвём в клочки.

И они теснились вокруг неё, норовя вырвать из её рук работу, как вдруг прилетели одиннадцать белых лебедей, сели по краям телеги и шумно захлопали своими могучими крыльями. Испуганная толпа отступила.

— Это знамение небесное! Она невинна, — шептали многие, но не смели сказать этого вслух.

Палач схватил Элизу за руку, но она поспешно набросила на лебедей одиннадцать рубашек, и... перед ней встали одиннадцать красавцев принцев, только у самого младшего не хватало одной руки, вместо неё было лебединое крыло: Элиза не успела закончить последней рубашки, в ней недоставало одного рукава.

— Теперь я могу говорить! — сказала она. — Я невинна! И народ, видевший всё, что произошло, преклонился перед ней, как перед святой, но она без чувств упала в объятия братьев — так обессилела она от неустанного напряжения, страха и боли.

— Да, она невинна! — сказал самый старший брат и рассказал всё, как было; и пока он говорил, в воздухе распространилось благоухание, точно от множества роз, — это каждое полено в костре пустило корни и ростки, и образовался высокий благоухающий куст, покрытый красными розами. На самой же верхушке куста блестел, как звезда, ослепительный цветок. Король сорвал его, положил на грудь Элизы, и она пришла в себя на радость и на счастье!

Все церковные колокола зазвонили сами собой, птицы слетелись целыми стаями, и ко дворцу потянулось такое свадебное шествие, какого не видал ещё ни один король!

ОГНИВО

Вёл солдат по дороге: раз-два! раз-два! Ранец за спиной, сабля на боку... На дороге встретилась ему старая ведьма — уж такая безобразная: нижняя губа свисала у неё до груди.

— Здорово, служивый! — сказала она. — Славная у тебя сабля! А ранец-то какой большой! Бравый солдат! Ну, сейчас ты получишь денег, сколько твоей душе угодно.

— Спасибо, старая ведьма! — сказал солдат.

— Видишь вон то старое дерево? — сказала ведьма, показывая на дерево, которое стояло неподалёку. — Оно внутри пустое. Заберись наверх, увидишь дупло, влезь в него и спускайся до самого низа. А перед тем я обвяжу тебя верёвкой вокруг пояса, и, когда ты мне крикнешь, я тебя вытащу.

— Зачем мне туда лезть? — спросил солдат.

— За деньгами! — сказала ведьма. — Знай, что из дупла ты попадёшь в большой подземный ход. Перед тобой будут три двери, ты можешь отворить их, ключи торчат снаружи. Войди в первую комнату: среди комнаты увидишь большой сундук, а на нём собаку: глаза у неё, словно чайные чашки! Но ты не бойся! Я дам тебе свой синий клетчатый передник, расстели его на полу, а сам живо подбеги и схвати собаку, посади её на передник, открой сундук и бери из него денег вволю. В этом сундуке одни медяки; захочешь серебра — ступай в комнату рядом: там сидит собака с глазами, как мельничные колёса! Но ты не пугайся: сажай её на передник и бери себе денежки. А захочешь, так достанешь и золота: пойдешь только в третью комнату. У собаки, что сидит там, глаза — каждый с Круглую башню. Да ты её не бойся: посади на мой передник и бери себе золото, сколько хочешь!

— Оно бы недурно! — сказал солдат. — Но что ты с меня за это возьмёшь, старая ведьма?

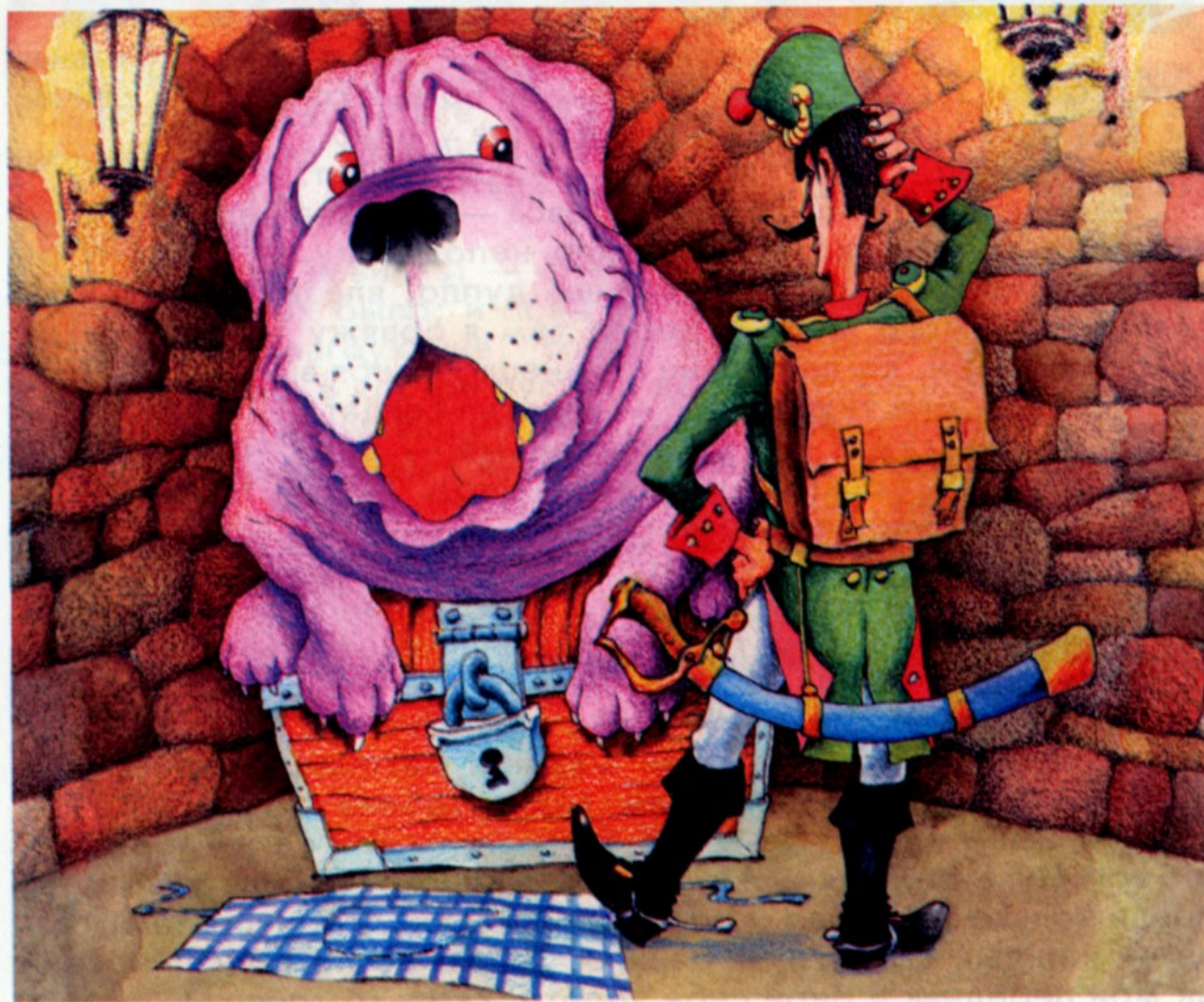
— Я не возьму с тебя ни полушки! — сказала ведьма. — Только принеси мне старое огниво, его позабыла там моя бабушка, когда спускалась в последний раз.

— Ну, обвязывай меня верёвкой! — приказал солдат.

— Готово! — сказала ведьма. — А вот и мой передник!

Солдат влез на дерево, спустился в дупло и очутился, как сказала ведьма, в большой галерее, где горели сотни ламп. Он открыл первую дверь. Ох! Там сидела собака с глазами, как чайные чашки, и тарасилась на солдата. «Вот так молодец!» — сказал солдат, посадил пса на ведьмин передник и набрал полный карман медных денег, потом закрыл сундук, опять посадил на него собаку и отправился в другую комнату. Ай-ай! Там сидела собака с глазами, как мельничные колёса!

— Чего на меня уставилась? Глаза заболят! — сказал солдат и посадил собаку на ведьмин передник. Увидев в сундуке огромную кучу серебра, он выбросил все медяки и набил оба кармана и ранец серебром.

Затем солдат пошёл в третью комнату. Фу-ты, пропасть! У этой собаки глаза были ни дать ни взять две Круглые башни и вертелись, точно колёса. «Моё почтение!» — сказал солдат и взял под козырёк. Такой собаки он ещё не видывал.

Долго смотреть на неё он, впрочем, не стал, а взял да и посадил на передник и открыл сундук. Батюшки! Сколько тут было золота! Солдат повыбросил из карманов и ранца серебряные монеты и так набил карманы, ранец, шапку и сапоги золотом, что еле-еле мог двигаться. Собаку он опять посадил на сундук, потом захлопнул дверь, поднял голову и закричал:

— Тащи меня, старая ведьма!

— Огниво взял? — спросила ведьма.

— Ах чёрт, чуть не забыл! — сказал солдат, вернулся и взял огниво.

Ведьма вытащила его наверх; он опять очутился на дороге, только теперь и карманы его, и сапоги, и ранец, и фуражка были набиты золотом.

— Зачем тебе это огниво? — спросил солдат.

— Не твоё дело! — ответила ведьма. — Получил деньги, и хватит с тебя! Ну, отдавай огниво!

— Как бы не так! — сказал солдат. — Сейчас говори, зачем тебе оно, не то вытащу саблю да отрублю тебе голову.

— Не скажу! — упёрлась ведьма.

Солдат взял и отрубил ей голову. Сам завязал все деньги в её передник, взвалил узел на спину, сунул огниво в карман и зашагал прямо в город.

Это был прекрасный город; солдат остановился на самом дорогом постоялом дворе, занял самые лучшие комнаты и потребовал все свои любимые блюда.

На другой день он купил себе хорошие сапоги и богатое платье. Теперь солдат стал настоящим баринном, и ему рассказали обо всех чудесах, какие были тут, в городе, и о короле, и о его прелестной дочери, принцессе.

— Как бы её увидеть? — спросил солдат.

— Этого никак нельзя! — сказали ему. — Она живёт в огромном медном замке, за высокими стенами с башнями. Никто, кроме самого короля, не смеет ни войти туда, ни выйти оттуда, потому что королю предсказали, будто дочь его выйдет замуж за простого солдата, а короли этого не любят.

«Вот бы на неё поглядеть!» — подумал солдат.

Да кто бы ему позволил?!

Теперь-то он зажил очень весело: ходил в театры, ездил кататься в королевский сад и раздавал деньги бедным. И хорошо делал: он ведь по себе знал, каково сидеть без гроша в кармане!

Теперь он был богат, прекрасно одевался и приобрёл очень много друзей. Так он всё тратил да тратил своё золото, и осталось у него в конце концов всего-навсего две денежки! Пришлось перебраться из хороших комнат в крошечную каморку под самой крышей; никто из друзей больше не навещал его, — уж очень высоко было к нему подниматься!

Как-то вечером сидел солдат в своей каморке; совсем уже стемнело, и он вспомнил про маленький огарочек в огниве, которое взял в подземелье, куда спускала его ведьма. Солдат достал огниво и огарок, но стоило ему ударить по кремню, как перед ним очутилась собака с глазами, точно чайные чашки, та самая, которую он видел в подземелье.

— Что угодно, господин? — пролаяла она.

— Вот так история! — сказал солдат. — Огниво-то, выходит, прелюбопытная вещица; я могу получить всё, что захочу! Эй ты, добудь мне деньжонок! — сказал он собаке.

Раз — её уж и след простыл, два — она опять тут как тут, а в зубах у неё большой кошель, набитый медью! Тут солдат понял, что за чудное у него огниво. Ударишь по кремню раз — является собака, которая сидела на сундуке с медными деньгами; ударишь два — является та, которая сидела на серебре; ударишь три — прибегает собака, что сидела на золоте.

Солдат опять перебрался в хорошие комнаты, стал ходить в щегольском платье, и друзья сейчас же вернулись к нему.

И однажды он подумал: «Как это глупо, что нельзя видеть принцессу. Такая красавица, говорят, а что толку? Ну-ка, где моё огниво?» И он ударил по кремню раз — в тот же миг перед ним стояла собака с глазами, точно чайные чашки.

— Теперь, правда, уже ночь, — сказал солдат. — Но мне до смерти захотелось увидеть принцессу, хоть на минуточку!

Не успел солдат опомниться, как собака явилась с принцессой. Принцесса сидела у собаки на спине и спала. Она была чудо как хороша; и солдат не утерпел и поцеловал её.

За утренним чаем принцесса рассказала, какой она видела сегодня ночью удивительный сон про собаку и солдата.

— Вот так история! — сказала королева.

И на следующую ночь к постели принцессы приставили старуху фрейлину — она должна была разузнать, был ли то в самом деле сон или что другое.

А солдату опять захотелось увидеть прелестную принцессу. И вот ночью во вдорец опять прибежала собака, схватила принцессу и помчалась с ней во всю прыть, а фрейлина пустилась вдогонку. Увидав, что собака скрылась с принцессой в одном доме, фрейлина взяла кусок мела, поставила на воротах дома крест и спокойно отправилась домой. Но собака, когда понесла принцессу назад, увидела этот крест, тоже взяла кусок мела и наставила крестов на всех воротах в городе. Это было ловко придумано: теперь фрейлина не могла отыскать нужные ворота — повсюду белели кресты.

Рано утром король с королевой, старуха фрейлина и все офицеры пошли посмотреть, куда это ездила принцесса ночью.

— Вот куда! — сказал король, увидев ворота с крестом.

— Нет, вот куда, муженёк! — возразила королева, заметив крест на других воротах.

— Да и здесь крест, и здесь! — зашумели другие. Тут все поняли, что толку им не добиться.

Но королева была женщина умная. Она насыпала в мешочек мелкой крупы, привязала его на спину принцессе и прорезала в нём дырочку, чтобы крупа могла сыпаться на дорогу.

Ночью собака явилась опять, посадила принцессу на спину и понесла к солдату. Крупа сыпалась за нею по всей дороге, но она этого не заметила. Поутру король и королева сразу узнали, куда ездила принцесса, и солдата посадили в тюрьму.

Засадил его туда и сказали: «Завтра утром тебя повесят!» Невесело было услышать это, а огниво своё он позабыл дома.

Утром солдат подошёл к маленькому окошку и стал глядеть на улицу: все бежали смотреть, как будут вешать солдата. Бежал и мальчишка-сапожник. Вдруг одна туфля слетела у него с ноги и ударила прямо о стену, у которой стоял солдат.

— Эй ты, куда торопишься? — крикнул он мальчику. — Без меня ведь дело не обойдётся! А вот если сбегаешь за моим огнивом, получишь четыре монеты. Только живо!

Мальчишка был рад получить деньги, он стрелой пустился за огнивом, отдал его солдату и... А вот теперь послушаем!

За городом построили виселицу, вокруг стояли солдаты и сотни тысяч народу. Король и королева сидели на роскошном троне прямо против судей и всего королевского совета.

Солдат уже стоял на лестнице, и ему собирались накинуть верёвку на шею, но он сказал, что прежде чем казнить преступника, всегда исполняют какое-нибудь его желание.

А ему бы очень хотелось выкурить трубочку — это ведь будет последняя его трубочка на этом свете!

Король не посмел отказать в этой просьбе, и солдат вытащил своё огниво. Ударил по кремню раз, два, три — и перед ним предстали все три собаки.

— Помогите мне избавиться от петли! — приказал солдат.

И собаки бросились на судей и на весь королевский совет: того хватили за ноги, того за нос да швыряли кверху!

— Не надо! — закричал король, но самая большая собака схватила его вместе с королевой и подбросила их кверху вслед за другими. Тогда солдаты испугались, а весь народ закричал:

— Служивый, будь нашим королём и возьми за себя прекрасную принцессу!

Солдата посадили в королевскую карету. Мальчишки свистели, засунув пальцы в рот, солдаты отдавали честь. Принцесса вышла из своего медного замка и сделалась королевой, чем была очень довольна. Свадебный пир продолжался целую неделю; собаки тоже сидели за столом и таращили глаза.

РУСАЛОЧКА

В открытом море вода такая синяя, как васильки, и прозрачная, как чистое стекло, — но зато и глубоко там! Так глубоко, что ни одной цепи не хватит, чтобы якорь достал до дна. Вот там-то и живут русалки.

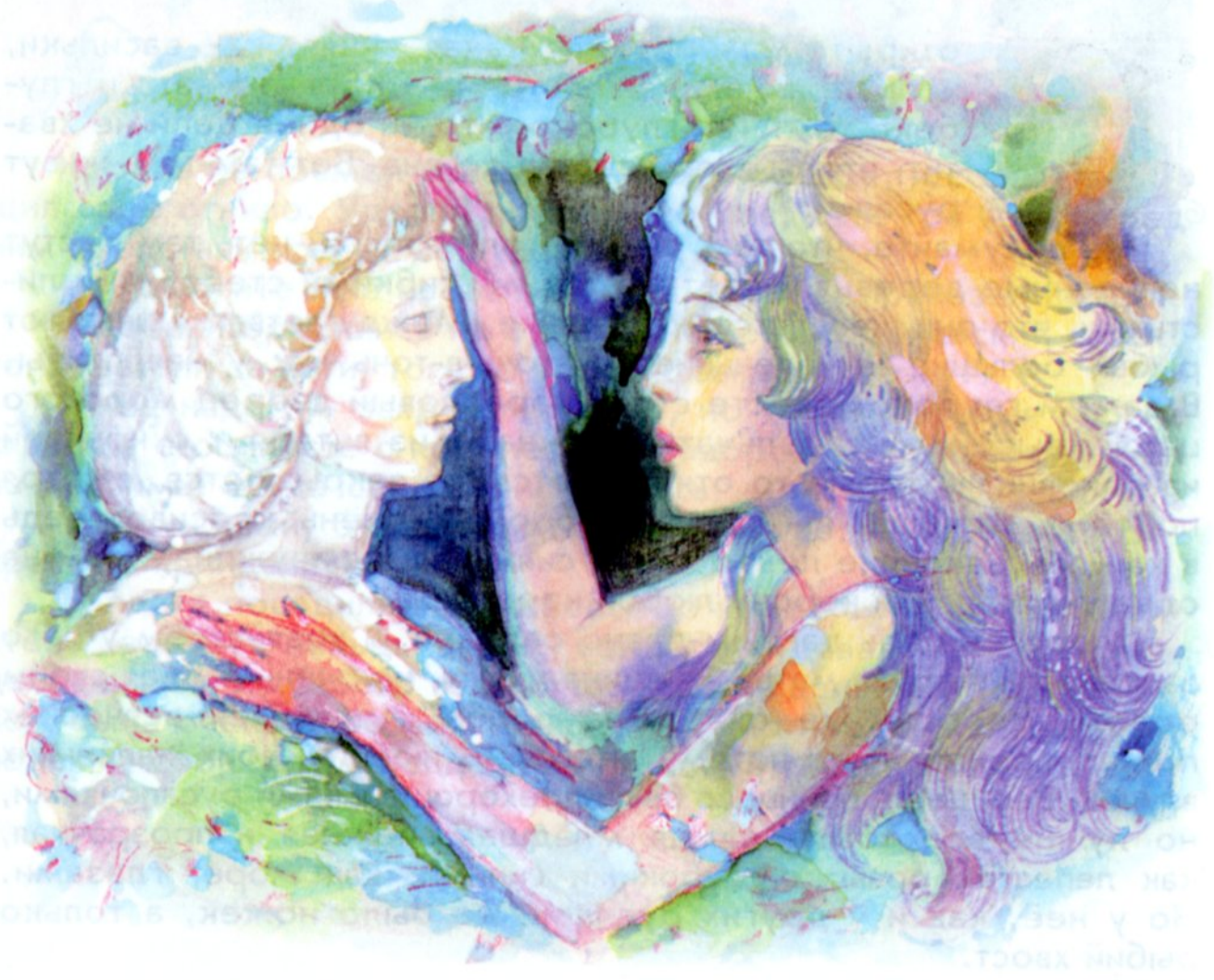
Не подумайте, что там, на дне, один песок; нет, там растут невиданные деревья и цветы с такими гибкими стеблями и листьями, что они шевелятся, как живые. Между ветвями шныряют рыбы, большие и маленькие, — точь-в-точь как у нас птицы. В самом глубоком месте стоит коралловый дворец морского царя с высокими стрельчатыми окнами из янтаря и с крышей из раковин, которые то открываются, то закрываются, смотря по тому, прилив или отлив; это очень-очень красиво: ведь в каждой раковине лежит такая сияющая жемчужина, что она одна украсила бы корону любой королевы.

Морской царь давным-давно овдовел, и хозяйством у него заправляла старуха мать, женщина умная, но очень гордая своим родом. Вообще же она была особа, достойная всяческих похвал, прежде всего потому, что очень любила своих маленьких внуков. Все шесть принцесс были прехорошенькими русалочками, но лучше всех была самая младшая, нежная и прозрачная, как лепесток розы, с глубокими синими, как море, глазами. Но у неё, как и у других русалок, не было ножек, а только рыбий хвост.

День-деньской играли принцессы в огромных дворцовых залах, где по стенам росли живые цветы. В открытые янтарные окна вплывали рыбки, они не боялись маленьких принцесс, ели из их рук и позволяли себя гладить.

Возле дворца был большой сад; там росли огненно-красные и тёмно-голубые деревья; плоды их сверкали, как золото, а цветы — как огоньки. Вместо земли там был мелкий, голубоватый песок, и потому там на всём лежал какой-то удивительный отблеск. В безветрие со дна видно было солнце; оно казалось пурпурным цветком, из чашечки которого лился свет.

У каждой принцессы был в саду уголок; тут они могли копать и сажать, что хотели. Одна сделала себе цветочную грядку в виде кита, другой захотелось, чтобы её грядка была похожа на русалочку, а самая младшая сделала себе грядку круглую, как солнце, и засадила её ярко-красными цветами. Странное дитя была эта русалочка: такая тихая, задумчивая. Другие сёстры украшали свой садик разными разностями, которые доставались им с затонувших кораблей, а она любила только свои яркие, как солнце, цветы да прекрасного белого мраморного мальчика, упавшего на дно моря с какого-то погибшего корабля.

Русалочка посадила у статуи красную плакучую иву; ветви её обвивали статую и клонились к голубому песку, где колебалась их фиолетовая тень, — вершина и корни точно играли и целовались друг с другом!

Больше всего любила русалочка слушать рассказы о людях, живущих наверху, на земле. Старухе бабушке пришлось рассказать ей всё, что она знала о кораблях и городах, о людях и о животных. Особенно занимало и удивляло русалочку то, что цветы на земле пахнут, — не то что в море! — что леса там зелёные, а рыбки, которые живут в ветвях, звонко поют. Бабушка называла рыбками птичек, иначе внучки не поняли бы её: они ведь сроду не видывали птиц.

— Когда вам исполнится пятнадцать лет, — говорила бабушка, — вам тоже разрешат всплывать на поверхность моря, сидеть при свете месяца на скалах и смотреть на плывущие мимо огромные корабли, на леса и города!

В этот год старшей принцессе как раз должно было исполниться пятнадцать лет, но другим сёстрам — они были погодки — приходилось ещё ждать, и дольше всех — самой младшей. Но каждая обещала рассказать остальным сёстрам о том, что ей больше всего понравится в первый день, — рассказов бабушки им было мало, им хотелось знать обо всём поподробнее.

Никого не тянуло так на поверхность моря, как самую младшую, тихую, задумчивую русалочку, которой приходилось ждать дольше всех. Сколько ночей провела она у открытого окна, вглядываясь в синеву моря, где шевелили своими плавниками и хвостами целые стаи рыбок! Она видела сквозь воду месяц и звёзды; они, конечно, блестели не так ярко, но зато казались гораздо больше, чем кажутся всем нам. Случалось, что под ними скользило как будто большое тёмное облако, и русалочка знала, что это или проплывал кит, или проходил корабль с сотнями людей; они и не думали о хорошенькой русалочке, что стояла там, в глубине моря, и протягивала к килю корабля свои белые ручки.

Но вот старшей принцессе исполнилось пятнадцать лет, и ей позволили всплыть на поверхность моря.

Сколько же было рассказов, когда она вернулась назад! Но больше всего, по её словам, ей понравилось лежать в тихую погоду на песчаной отмели и нежиться при свете месяца, любуясь раскинувшимся по берегу городом: там, точно сотни звёзд, горели огни, слышались музыка, шум, грохот экипажей, виднелись башни со шпилями, звонили колокола.

Ровно через год и вторая сестра получила позволение подниматься на поверхность моря и плыть, куда захочет. Она вынырнула из воды как раз в ту минуту, когда солнце садилось, и нашла, что лучше этого зрелища ничего и быть не может. Небо сияло, как расплавленное золото, рассказывала она, а облака, да тут у неё уж и слов не хватало! Пурпуровые и фиолетовые, они быстро неслись по небу, но ещё быстрее них неслась к солнцу, точно длинная белая вуаль, стая лебедей; русалочка тоже поплыла было к солнцу, но оно опустилось в море, и по небу и в воде разлилась розовая вечерняя заря.

Ещё через год всплыла на поверхность моря третья принцесса, она проплыла в широкую реку, которая впадала в море. Тут она увидела холмы, покрытые виноградниками, дворцы и дома, окружённые густыми рощами, в которых пели птицы;

солнце светило и грело так, что ей не раз приходилось нырять в воду, чтобы освежить своё пылающее лицо. В маленькой бухте она увидела толпу голеньких ребятишек, которые плескались в воде; она хотела было поиграть с ними, но они испугались её и убежали.

Четвёртая сестра не была такой смелой; она держалась больше в открытом море и рассказывала, что это было лучше всего: куда ни глянь, на много-много миль вокруг одна вода да небо, опрокинутое, точно огромный стеклянный купол; вдали, как морские чайки, проносились большие корабли, играли и кувыркались весёлые дельфины и пускали из ноздрей сотни фонтанов огромные киты.

Потом пришла очередь предпоследней сестры, её день рождения был зимой, и поэтому она увидела то, что не видели другие: море было зеленоватого цвета, повсюду плавали большие ледяные горы, огромные, выше самых высоких колоколен, построенных людьми! Некоторые из них были причудливой формы и блестели, как алмазы. Она уселась на самую большую, ветер развеивал её длинные волосы, а моряки испуганно обходили гору подале. К вечеру небо покрылось тучами, засверкала молния, загремел гром и тёмное море стало бросать ледяные глыбы из стороны в сторону, а они так и сверкали при блеске молнии. На кораблях убрали паруса, люди метались в страхе и ужасе, а она спокойно плыла на ледяной горе и смотрела, как огненные зигзаги молнии, прорезав небо, падали в море.

Каждая из сестёр была в восторге от того, что видела наверху в первый раз, — всё было для них ново и поэтому нравилось; но, получив, как взрослые девушки, позволение плавать всюду, они скоро пресытились этими прогулками и через месяц стали говорить, что у них дома, на дне, лучше.

Часто по вечерам все пять сестёр, взявшись за руки, подымались на поверхность, у всех были чудеснейшие голоса, каких не бывает у людей на земле, и вот, когда начиналась буря и они видели, что корабль обречён на гибель, они подплывали к нему и нежными голосами пели о чудесах подводного царства; но моряки не могли разобрать слов: им казалось, что это шумят волны; да им всё равно и не удалось бы увидеть на дне никаких чудес — если корабль погибал, люди тонули и опускались ко дворцу морского царя уже мёртвыми.

Младшая же русалочка, когда сёстры её всплывали на поверхность моря, оставалась одна и смотрела им вслед.

— Ах, когда же мне будет пятнадцать лет? — говорила она. — Я знаю, что очень люблю тот мир и людей, которые там живут!

Наконец и ей исполнилось пятнадцать лет.

— Ну вот, вырастили и тебя! — сказала бабушка, вдовствующая королева. — Поди сюда, надо и тебя принарядить, как других сестёр!

И она надела русалочке на голову венок из белых лилий — каждый лепесток был половинкой жемчужины, — потом, для обозначения высокого сана принцессы, приказала восьми устрицам прицепиться к её хвосту.

— Ой, как больно! — воскликнула русалочка.
 — Ради красоты и потерпеть не грех! — сказала старуха.
 Ах, с каким удовольствием скинула бы с себя русалочка все эти уборы и тяжёлый венок, — красные цветы из её садика шли ей куда больше, — но она не посмела!

— Прощайте! — сказала она и легко и плавно, точно пузырёк воздуха, поднялась на поверхность.

Солнце только что село, но облака ещё сияли пурпуром и золотом, тогда как в красноватом небе уже зажигались ясные вечерние звёзды; воздух был мягок и свеж, а море — как зеркало. Неподалёку от того места, где вынырнула русалочка, стоял трёхмачтовый корабль всего лишь с одним поднятым парусом, — не было ведь ни малейшего ветерка; на вантах и реях

сидели матросы, с палубы неслись звуки музыки и песен; когда же совсем стемнело, корабль осветился сотнями разноцветных фонариков; казалось, что в воздухе замелькали флаги всех наций.

Русалочка подплыла к самым окнам каюты, и когда волны слегка приподымали её, она могла заглянуть внутрь. Там было множество разодетых людей, но лучше всех был молодой принц с большими чёрными глазами. Ему, наверное, было не больше шестнадцати лет; в тот день праздновали его рождение, оттого на корабле и шло такое веселье. Матросы плясали на палубе, а когда туда вышел молодой принц, кверху взвились сотни сверкающих ракет, и стало светло как днём, так что русалочка совсем перепугалась и нырнула в воду, но скоро опять высунула голову, и ей показалось, что все звёзды с небес попадали к ней в море. Никогда ещё не видела она такой огненной потехи; большие солнца вертелись колесом, огромные огненные рыбы били в воздухе хвостами, и всё это отражалось в тихой, ясной воде. На самом корабле было так светло, что можно было разглядеть каждую верёвку, а людей и подавно. Ах, как хорош был молодой принц! Он пожимал людям руки, улыбался и смеялся, а музыка всё гремела и гремела в тишине ясной ночи.

Становилось уже поздно, но русалочка глаз не могла оторвать от корабля и от красавца принца. Она качалась на волнах и всё заглядывала в каюту, а корабль стал набирать скорость, паруса развёртывались один за другим, ветер крепчал, волны всё нарастали, облака сгустились, и где-то вдали засверкала молния. Начиналась буря! Матросы принялись убирать паруса; огромный корабль страшно качало, ветер так и кидал его из стороны в сторону, вокруг корабля вздымались высокие волны, грозившие сомкнуться над мачтами корабля, но он нырял между водяными стенами и снова взлетал на гребни. Русалочку буря забавляла, а вот морякам приходилось туго. Корабль стонал и скрипел, доски трещали, волны перекатывались через палубу; грот-мачта переломилась, как тростинка, корабль опрокинулся набок, и вода хлынула в трюм.

Тут русалочка поняла опасность; ей самой приходилось остерегаться брёвен и обломков, носившихся по волнам. На минуту сделалось вдруг очень темно; но вот опять блеснула молния, и русалочка увидела на корабле людей; каждый спасался как мог. Русалочка отыскивала глазами принца и, когда корабль пошёл ко дну, увидела, что принц погрузился в воду. Сначала русалочка очень обрадовалась тому, что он попадёт теперь к ним на дно, но потом вспомнила, что люди не могут жить в воде. Нет, нет, он не должен умереть! И она поплыла между брёвнами и досками, совсем забывая, что они в любую минуту могут её раздавить. Наконец она настигла принца, который уже почти совсем выбился из сил и не мог больше плыть по бурному морю; руки и ноги отказались ему служить, а прелестные глаза закрылись; он умер бы, не явись ему на помощь русалочка. Она приподняла над водой его голову и предоставила волнам нести их обоих куда угодно.

К утру непогода стихла; от корабля не осталось и щепки; солнце засияло над водой, и его яркие лучи вернули щекам принца их живую окраску, но глаза его ещё не открывались.

Русалочка откинула со лба принца волосы и поцеловала его в высокий, красивый лоб; ей показалось, что принц похож на мраморного мальчика, что стоит у неё в саду; она поцеловала его ещё раз и пожелала, чтобы он остался жив.

Наконец она завидела твёрдую землю и высокие горы, на вершинах которых, точно стаи лебедей, белели снега. У самого берега зеленела чудная роща, а над ней высилась то ли церковь, то ли монастырь — она не знала толком, что это. У входа в тихую, но глубокую бухту стоял утёс, возле которого море намыло мелкий белый песок; вот сюда-то и приплыла русалочка и положила принца на берег, позаботившись о том, чтобы голова его лежала повыше и на самом солнце.

В это время в высоком белом доме зазвонили в колокола, и в сад высыпала целая толпа молодых девушек. Русалочка отплыла подальше, за большие камни, которые торчали из воды, покрыла себе волосы и грудь морской пеной — теперь никто не различил бы в этой пене её лица — и стала ждать: не придёт ли кто на помощь бедному принцу.

Ждать пришлось совсем недолго: к принцу подошла одна из молодых девушек и сначала очень испугалась, но тут же собралась с духом и позвала на помощь людей. Затем русалочка увидела, что принц ожил и улыбнулся всем, кто был возле него. А ей он не улыбнулся, он даже не знал, что это она спасла ему жизнь! Грустно стало бедной русалочке, и, когда принца увели в большое белое здание, она печально нырнула в воду и уплыла домой.

И прежде она была тихой и задумчивой, теперь же стала ещё тише, ещё задумчивее. Сёстры спрашивали её, что она видела на поверхности моря, но она ничего им не рассказала.

Часто и вечером, и утром приплывала она к тому месту, где оставила принца, видела, как созревали в садах плоды, как их потом собирали, видела, как стоял снег на высоких горах, но принца так больше и не видела и возвращалась домой с каждым разом всё печальнее. Единственной отрадой было для неё сидеть в своём садике, обвивая руками красивую мраморную статую, похожую на принца.

Наконец она не выдержала и рассказала обо всём одной из своих сестёр; за ней узнали секрет и все остальные сёстры. Одна из них знала, кто этот принц, видела праздник на корабле и даже могла сказать, где находится его королевство.

— Поплыли вместе, сестрица! — сказали русалочке сёстры и рука об руку поднялись на поверхность моря близ того места, где стоял дворец принца.

Дворец был из светло-жёлтого блестящего камня, с большими мраморными лестницами; одна из них спускалась прямо в море. Великолепные вызолоченные купола высились над крышей, а в нишах, между колоннами, окружавшими всё здание, стояли огромные мраморные статуи, совсем как живые люди. Сквозь высокие зеркальные окна виднелись роскошные покои; всюду висели дорогие шёлковые занавеси, были разостланы шикарные ковры, а стены украшены большими картинами. Загляденье, да и только!

Теперь русалочка знала, где живёт принц, и стала приплывать ко дворцу почти каждый вечер или каждую ночь. Она останавливалась и подолгу смотрела на молодого принца, а он-то думал, что гуляет при свете месяца один-одинёшенек.

Много раз видела она, как он катался с музыкантами на своей нарядной лодке, украшенной развевающимися флагами, — русалочка выглядывала из зелёного тростника, и если люди замечали её длинную серебристо-белую вуаль, развевающуюся по ветру, то думали, что это лебедь машет крыльями.

Не раз слышала она, как говорили о принце рыбаки, ловившие по ночам рыбу; они рассказывали о нём много хорошего, и русалочка радовалась, что спасла ему жизнь; она вспоминала, как его голова покоилась на её груди и как нежно целовала она его тогда. А он-то ничего не знал о ней!

Всё больше и больше начинала русалочка любить людей, всё сильнее и сильнее тянуло её к ним; их земной мир казался ей куда больше, чем её подводный! Русалочке очень хотелось побольше узнать о людях и об их жизни, но сёстры не могли ответить на все её вопросы, и она обращалась к бабушке.

— Если люди не тонут, — спрашивала русалочка, — то они живут вечно, не умирают, как мы?

— Ну что ты! — отвечала старуха. — Они тоже умирают, их век даже короче нашего. Мы живём триста лет, но, когда нам приходит конец, нас не хоронят среди близких, у нас нет даже могил, мы просто превращаемся в морскую пену.

У людей, напротив, есть бессмертная душа, которая живёт вечно даже и после того, как тело превращается в прах; она улетает на небо, прямо к мерцающим звёздам!

— Почему у нас нет бессмертной души? — грустно спросила русалочка. — Я бы отдала все свои сотни лет за один день человеческой жизни, чтобы потом тоже подняться на небо.

— Вздор! Нечего и думать об этом! — сказала старуха. — Нам тут живётся куда лучше, чем людям на земле!

— Значит, и я однажды умру, стану морской пеной, не буду больше слышать музыки волн, не увижу чудесных цветов и красного солнца! Неужели я никак не могу обрести бессмертную душу?

— Можешь, — сказала бабушка, — если кто-нибудь из людей полюбит тебя так, что ты станешь ему дороже отца и матери, если отдастся он тебе всем своим сердцем и велит священнику соединить ваши руки в знак вечной верности друг другу; тогда частица его души сообщится тебе и когда-нибудь ты вкусишь вечного блаженства. Он даст тебе душу и сохранит при себе свою. Но этому не бывать никогда! Ведь то, что у нас считается красивым, например твой рыбий хвост, люди находят безобразным; они ничего не смыслят в красоте; по их мнению, чтобы быть красивым, надо непременно иметь две неуклюжие подпорки — ноги, как они их называют.

Русалочка глубоко вздохнула и печально посмотрела на свой рыбий хвост.

— Будем жить — не тужить! — сказала старуха. — Повеселимся вволю свои триста лет — это срок немалый, тем слаще будет отдых после смерти! Сегодня поздно вечером у нас во дворце бал!

Вот было великолепие, какого не увидишь на земле! Стены и потолок танцевальной залы были из толстого, но прозрачного стекла; вдоль стен рядами лежали сотни пурпурных и зелёных раковин с голубыми огоньками в середине. Посреди залы вода струилась широким потоком, и в нём танцевали водяные и русалки под своё чудное пение. Русалочка пела лучше всех, и все хлопали ей в ладоши. На минуту ей было сделалось весело, но потом она опять начала думать о прекрасном принце, и ей стало грустно. Она незаметно ускользнула из дворца и, пока там пели и веселились, печально сидела в своём садике и думала: «Как я люблю его! На всё бы я пошла — только бы быть с ним и обрести бессмертную душу! Поплыву-ка я к морской ведьме; я всегда боялась её, но, может быть, она хоть чем-нибудь поможет мне!»

И русалочка поплыла к бурным водоворотам, за которыми жила ведьма. Ей ещё ни разу не приходилось проплывать этой дорогой; тут не росли ни цветы, ни даже трава — кругом лежал только голый серый песок. Русалочке пришлось плыть между бурлящими водоворотами; дальше путь к жилищу ведьмы лежал через пузырившийся ил; это место ведьма называла своим торфяным болотом. А там уж было рукой подать до её жилья, окружённого диковинным лесом: вместо деревьев и кустов в нём росли полипы, полуживотные-полурастения, похожие на стоголовых змей, торчащих прямо из песка; они хватили своими гибкими пальцами всё, что только им попадалось, и уже никогда не выпускали.

Русалочка испуганно приостановилась, сердечко её забилося от страха, она готова была вернуться, но вспомнила о принце, о бессмертной душе и собралась с духом: крепко обвязала вокруг головы свои длинные волосы, чтобы в них не вцепились полипы, скрестила на груди руки и, как рыба, поплыла между омерзительными полипами, которые тянули к ней свои извивающиеся пальцы.

Но вот она очутилась на скользкой лесной поляне, где кувыркались большие водяные ужи.

— Знаю, знаю, зачем ты пришла! — сказала русалочке морская ведьма. — Глупости ты затеваешь, ну да я всё-таки помогу тебе — тебе же на беду, моя красавица!

И ведьма громко и гадко захохотала.

— Ну ладно, ты пришла в самое время! — продолжала ведьма. — Я изготовлю тебе питьё, ты возьмёшь его, поплывёшь с ним к берегу ещё до восхода солнца, сядешь там и выпьешь всё до капли; тогда твой хвост раздвоится и превратится в пару стройных, как сказали бы люди, ножек. Но тебе будет так больно, как будто тебя пронзят острым мечом. Зато все, кто тебя увидит, скажут, что такой прелестной девушки они никогда ещё не встречали! Вытерпишь это? Тогда я помогу тебе.

— Да! — сказала русалочка дрожащим голосом.

— Помни, — сказала ведьма, — что раз ты примешь человеческий облик, тебе уже не сделаться вновь русалкой! А если принц не полюбит тебя так, что забудет ради тебя и отца, и мать, не отдастся тебе всем сердцем и не велит священнику соединить ваши руки, чтобы вы стали мужем и женой, ты не получишь бессмертной души. С первой же зарёй после его женитьбы на другой твоё сердце разорвётся на части, и ты станешь пеной морской!

— Пусть! — сказала русалочка и побледнела как смерть.

— А ещё ты должна мне заплатить за помощь, — сказала ведьма. — Ты отдашь мне за этот бесценный напиток самое лучшее, что у тебя есть, — твой чудный голос.

— Если ты возьмёшь мой голос, что же останется мне? — спросила русалочка.

— Твоё прелестное лицо, твоя плавная походка и твои говорящие глаза — этого довольно, чтобы покорить человеческое сердце! Ну полно, не бойся; высунешь язычок, и я отрежу его в уплату за волшебный напиток!

— Хорошо! — сказала русалочка

И ведьма поставила на огонь котёл, чтобы сварить питьё. Она поминутно подбавляла в котёл новых и новых снадобий, и когда питьё закипело, оно забулькало так, будто плакал крокодил. Наконец напиток был готов, на вид он казался прозрачайшей ключевой водой!

— Бери! — сказала ведьма, отдавая русалочке напиток; потом отрезала ей язык, и русалочка стала немая — не могла больше ни петь, ни говорить!

Быстро проплыла она лес, миновала болото и бурлящие водовороты.

Вот и отцовский дворец; огни в танцевальной зале потушены, все спят. Русалочка не посмела больше войти туда, — ведь она была немая и собиралась покинуть отцовский дом навсегда. Сердце её готово было разорваться от тоски и печали. Она проскользнула в сад, взяла по цветку с грядки у каждой сестры, послала родным тысячи воздушных поцелуев и поднялась на синюю поверхность моря.

Солнце ещё не вставало, когда она увидела перед собой дворец принца и присела на великолепную мраморную лестницу. Месяц озарял её своим чудесным голубым сиянием. Русалочка выпила обжигающий напиток, и ей показалось, будто её пронзили обоюдоострым мечом; она потеряла сознание и упала замертво.

Когда она очнулась, над морем уже сияло солнце; во всём теле она чувствовала жгучую боль. Перед ней стоял красавец принц и смотрел на неё своими черными, как ночь, глазами; она потупилась и увидела, что рыбий хвост исчез, а вместо него у неё две ножки, беленькие и маленькие, как у ребёнка. Но она была совсем нагая и потому закуталась в свои длинные, густые волосы. Принц спросил, кто она и как сюда попала, но она только кротко и грустно смотрела на него своими тёмно-голубыми глазами: говорить ведь она не могла. Тогда он взял её за руку и повёл во дворец. Ведьма сказала правду: каждый шаг причинял русалочке такую боль, будто она ступала по острым ножам и иголкам; но она терпеливо переносила боль и шла об руку с принцем лёгкая, как пузырёк воздуха; принц и все окружающие только дивились её чудной, скользкой походке.

— Ах, я так счастлив! — сказал он русалочке. — То, о чём я не смел и мечтать, сбылось! Ты порадуешься моему счастью, ты ведь так любишь меня!

Русалочка поцеловала ему руку, и ей показалось, что сердце её вот-вот разорвётся от боли: ведь его свадьба убьёт её, превратит в морскую пену!

В тот же вечер жених с невестой должны были отплыть на родину принца; пушки палили, флаги развевались, на палубе был раскинут роскошный шатёр; там новобрачные должны были провести эту тихую, прохладную ночь.

Паруса надулись от ветра, корабль легко и плавно скользнул по волнам и понёсся в открытое море.

Как только смерклось, на корабле зажглись сотни разноцветных фонариков, а матросы стали весело плясать на палубе. Русалочка вспомнила, как она впервые поднялась на поверхность моря и увидела такое же веселье на корабле. И вот она понеслась в быстром воздушном танце, точно ласточка, преследуемая коршуном. Все были в восторге: никогда ещё она не танцевала так чудесно! Она знала, что лишь один вечер осталось ей пробыть с тем, ради кого она терпела невыносимые мучения. Ей ведь не было дано бессмертной души! Русалочка смеялась и танцевала со смертельной мукой в сердце, принц же целовал красавицу жену; наконец рука об руку удалились они в свой великолепный шатёр.

На корабле всё стихло, только рулевой стоял у руля. Русалочка оперлась своими белыми руками о борт и, повернувшись лицом к востоку, стала ждать первого луча солнца, который, как она знала, должен был убить её.

Вдруг она увидела, как из моря поднялись её сёстры; их волосы не развевались больше по ветру — они были обрезаны.

— Мы отдали наши волосы ведьме, чтобы она помогла нам избавиться тебя от смерти! А она дала нам вот этот нож — видишь, какой он острый? Прежде чем взойдёт солнце, ты должна вонзить его в сердце принца, и ты снова станешь русалкой. Но спеши! Или он, или ты — один из вас должен умереть до восхода солнца!

С этими словами они вздохнули и погрузились в море.

Русалочка приподняла занавесь шатра и увидела, что головка прелестной новобрачной покоится на груди принца. Русалочка наклонилась и поцеловала его в прекрасный лоб, посмотрела на небо, где разгоралась утренняя заря, потом посмотрела на острый нож и опять устремила взор на принца, который во сне произнес имя своей жены — она одна была у него в голове! — нож дрогнул в руках у русалочки. Ещё минута — и она бросила его в волны. В последний раз посмотрела она на принца полуугасшим взором, бросилась с корабля в море и почувствовала, как тело её расплывается пеной.

Над морем поднялось солнце; лучи его любовно согревали мертвенно-холодную морскую пену, и русалочка не чувствовала смерти; она видела ясное солнце и сотни каких-то прозрачных, чудных созданий, реявших над ней; голоса их звучали как музыка; у них не было крыльев, но они носились в воздухе, лёгкие и незримые. Русалочка увидела, что и у неё такое же тело, как у них, и что она всё больше отделяется от морской пены.

— К кому я иду? — спросила она, поднимаясь в воздухе; и её голос звучал такую дивною музыкой, какой не в силах передать земные звуки.

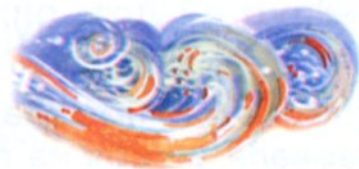
— К дочерям воздуха! — ответили ей воздушные создания. — У русалки нет бессмертной души, и обрести её она может, только если её полюбит человек. У дочерей воздуха тоже нет бессмертной души, но они могут заслужить её добрыми делами. Мы прилетаем в жаркие страны, где люди гибнут от знойного, зачумлённого воздуха, и навеваем прохладу. Мы распространяем в воздухе благоухание цветов и несём людям исцеление и отраду. Пройдёт триста лет, во время которых мы будем творить добро, и мы получим в награду бессмертную душу. Ты, бедная русалочка, всем сердцем стремилась к тому же, что и мы, ты любила и страдала, подымись же вместе с нами в заоблачный мир. Теперь ты сама можешь добрыми делами заслужить себе бессмертную душу и обрести её через триста лет!

Русалочка протянула свои прозрачные руки к солнцу и в первый раз почувствовала у себя на глазах слёзы.

На корабле за это время всё опять пришло в движение, и русалочка увидела, как принц с женой ищут её. Невидимая, поцеловала русалочку красавицу в лоб, улыбнулась принцу и поднялась вместе с другими дочерьми воздуха к розовым облакам, плававшим в небе.

— Через триста лет мы войдём в божье царство! — прошептала одна из дочерей воздуха, — а может быть, и раньше. Невидимками влетаем мы в жилища людей, где есть дети, и если находим там доброе, послушное дитя, мы улыбаемся, и наш трёхсотлетний срок сокращается на год.

НОВОЕ ПЛАТЬЕ КОРОЛЯ

Жил-был на свете один король: он так любил наряжаться, что тратил на новые платья все свои деньги. И как про других королей говорят: «Король в совете», так про него говорили: «Король в гардеробной».

В столице этого короля жилось очень весело; почти каждый день приезжали иностранные гости, и вот раз явились двое обманщиков. Они выдали себя за ткачей и сказали, что могут соткать такую чудесную ткань, лучше которой ничего и представить себе нельзя: кроме необыкновенно красивого рисунка и расцветки, она отличается ещё удивительным свойством — становится невидимой для всякого человека, который сидит не на своём месте или непроходимо глуп.

«Да, вот это будет платье! — подумал король. — Я смогу узнать, кто из моих сановников не на своём месте и кто умён, а кто глуп. Пусть поскорее соткут для меня такую ткань».

Обманщики получили большой задаток и сейчас же принялись за дело. Они поставили два ткацких станка и стали делать вид, будто бы усердно работают, а у самих на станках ничего не было. Не стесняясь, они требовали для работы тончайшего шёлку и чистейшего золота, всё это клали себе в карман и просиживали за пустыми станками с утра до ночи.

«Хотелось бы мне посмотреть, как подвигается дело!» — думал король. Но тут он вспоминал о чудесном свойстве ткани, и ему становилось как-то не по себе. Конечно, ему нечего бояться за себя, но... всё-таки лучше сначала пошёл бы кто-нибудь другой! А между тем молва о диковинной ткани облетела весь город, и всякий горел желанием поскорее убедиться в глупости или непригодности своего ближнего.

«Пошлю-ка я к ним своего честного старого министра, — подумал король. — Уж он-то рассмотрит ткань: он умён и как никто другой подходит к своей должности».

И вот старик министр вошёл в залу, где за пустыми станками сидели обманщики. «Господи помилуй! — подумал он, тараща глаза. — Да ведь я ничего не вижу! Неужели я глуп? Вот уж чего никогда не думал! Упаси господь, кто-нибудь узнает!.. А может, я не гожусь для своей должности?.. Нет, нет, никак нельзя признаваться, что я не вижу ткани!»

— Что ж вы скажете нам? — спросил один из ткачей.

— О, это премило! — ответил старик министр, глядя сквозь очки. — Какой узор, какие краски! Да, да, я доложу королю, что мне чрезвычайно понравилась ваша работа!

— Рады стараться! — сказали обманщики и принялись расписывать, какой тут необычайный узор и сочетания красок. Министр внимательно слушал и потом повторил всё это королю.

Через несколько дней король послал к ткачам другого достойного сановника. С ним было то же самое, что и с первым. Уж он смотрел, смотрел во все глаза, а всё равно ничего, кроме пустых станков, не высмотрел.

— Ну, как вам нравится? — спросили его обманщики, показывая ткань и громко восхваляя узоры, которых и в помине не было.

«Я не глуп, — думал сановник. — Значит, я не на своём месте? Вот тебе раз! Однако нельзя и виду подавать!»

— Премило, премило! — доложил он королю.

Скоро весь город заговорил о восхитительной ткани.

Наконец и сам король пожелал полюбоваться диковинкой.

С целою свитой избранных придворных и сановников, в числе которых находились и первые два, уже видевшие ткань, явился король к хитрым обманщикам, ткавшим, не покладая рук, на пустых станках.

— Magnifique! Чудесно! Не правда ли? — вскричали уже побывавшие здесь сановники. — Какой рисунок... а краски!..

И они тыкали пальцами в пространство, воображая, что все остальные видят ткань.

«Что за ерунда! — подумал король. — Я ничего не вижу! Глуп я, что ли? Или не гожусь в короли?»

— О да, очень, очень мило! — сказал он в конце концов. — Вполне заслуживает моего одобрения!

Свита короля видела не больше, чем он сам; и тем не менее все в один голос повторяли: «Очень, очень мило!» — и советовали королю сделать себе из этой ткани наряд для предстоящей торжественной процессии.

— Magnifique! Чудесно! — только и слышалось со всех сторон. Король наградил обманщиков рыцарским крестом в петлицу и пожаловал им звание придворных ткачей.

Ночь накануне торжества обманщики просидели за работой. Они притворялись, что снимают ткань со станков, кроют её большими ножницами и потом шьют иголками без ниток.

Наконец они объявили: «Готово!»

Король в сопровождении свиты сам пришёл к ним одеваться. Обманщики поднимали кверху руки, будто держали что-то, приговаривая:

— Вот панталоны, вот камзол, вот кафтан! Чудесный наряд! Лёгок, как паутина, и не почувствуешь его на теле! Но в этом-то вся и прелесть!

— Да, да! — говорили придворные, хотя они ничего не видели — но ведь и видеть-то было нечего.

— А теперь, ваше королевское величество, соблаговолите раздеться и стать вот тут, перед большим зеркалом! — сказали королю обманщики. — Мы оденем вас!

Король разделся догола, и обманщики принялись наряжать его: они делали вид, будто надевают на него одну часть одежды за другой и наконец прикрепляют что-то на плечах и на талии, — это они надевали на него королевскую мантию!

— Боже, как идёт! Как чудно сидит! — шептали в свите.

— Балдахин ждёт! — доложил обер-церемониймейстер.

— Я готов! — сказал король. — Хорошо ли сидит платье?

И он ещё раз повернулся перед зеркалом: надо ведь было показать, что он внимательно рассматривает свой наряд.

Камергеры, которые должны были нести шлейф королевской мантии, сделали вид, будто приподняли что-то с пола, и пошли за королём, вытягивая перед собой руки, — они не смели и виду подать, что ничего не видят.

И вот король шествовал под роскошным балдахином, а люди, толпившиеся, чтобы на него посмотреть, говорили: «Ах, какое же красивое это новое платье короля!» Никто не хотел признаться, что он глуп или сидит не на своём месте.

— Да ведь король-то голый! — закричал вдруг какой-то маленький мальчик.

— Послушайте-ка, что говорит невинный младенец! — сказал его отец, и все стали шёпотом передавать друг другу слова ребёнка.

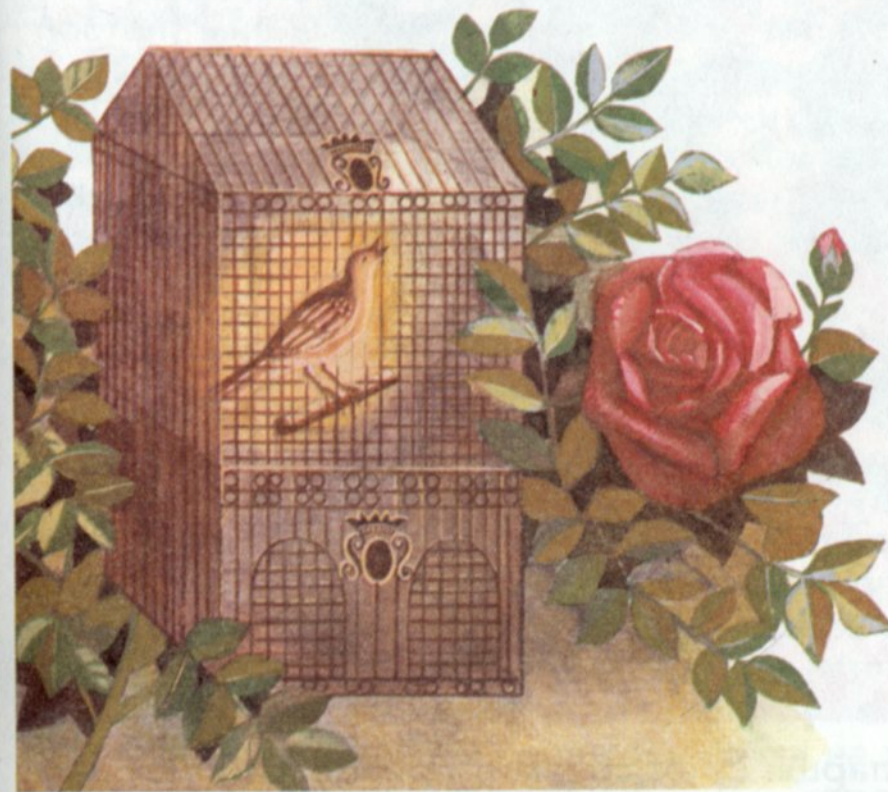
— Да ведь он совсем голый! Вот мальчик говорит, что он голый! — закричал наконец весь народ.

И королю стало жутко: ему казалось, что все они правы, но надо же было довести церемонию до конца!

И он выступал под своим балдахином ещё величавее, а камергеры шли за ним, поддерживая мантию, которой не было.

СВИНОПАС

Жил-был бедный принц. Королевство у него было маленькое-премаленькое, но жениться всё-таки было можно, а жениться-то принцу хотелось. Разумеется, с его стороны было несколько смело спросить дочь императора: «Пойдёшь за меня?» Впрочем, он носил славное имя и знал, что сотни принцесс с благодарностью ответили бы на его предложение согласием. Да вот, поди знай, что взбредёт в голову императорской дочке!

Послушаем же, как было дело.

На могиле у отца принца вырос розовый куст несказанной красоты; цвёл он только раз в пять лет, и распускалась на нём всего одна-единственная роза. Зато она разливала такой сладкий аромат, что, впивая его, можно было забыть все свои горести и заботы. Ещё был у принца соловей, который пел так дивно, словно у него в горлышке были собраны все чудеснейшие мелодии, какие только есть на свете. И роза и соловей предназначены были в дар принцессе; их положили в большие серебряные ларцы и отослали к ней.

Император велел принести ларцы прямо в большую залу, где принцесса играла со своими фрейлинами в гости; других занятий у неё не было.

Увидав большие ларцы с подарками, принцесса захлопала от радости в ладоши.

— Ах, если бы тут была маленькая киска! — сказала она. Но из ларца вынули прелестную розу.

— Ах, как это мило сделано! — сказали все фрейлины.

— Больше чем мило! — сказал император. — Это прямо-таки недурно!

Но принцесса потрогала розу и чуть не заплакала.

— Фи, папа! — сказала она. — Она настоящая!

— Фи! — повторили все придворные. — Настоящая!

— Погодим сердиться! Посмотрим сначала, что в другом ларце! — возразил император.

И вот из ларца появился соловей и запел так чудесно, что нельзя было сейчас же найти какого-нибудь недостатка.

— Superbe! Charmant! — сказали фрейлины; все они болтали по-французски одна хуже другой.

— Как эта птичка напоминает органчик покойной императрицы! — сказал один придворный. — Тот же тон, та же манера!

— Да! — сказал император и заплакал, как ребёнок.

— Надеюсь, птица не настоящая? — спросила принцесса.

— Настоящая! — ответили ей доставившие подарки послы.

— Так пусть она летит! — сказала принцесса и так и не позволила принцу явиться к ней самому.

Но принц не унывал: он вымазал себе всё лицо чёрной и бурой красками, нахлобучил шапку и постучался во дворец:

— Здравствуйте, император! — сказал он. — Не найдётся ли у вас для меня какого-нибудь местечка?

— Много вас тут ходит! — ответил император. — Впрочем, постой, мне нужен свинопас! У нас пропасть свиней!

Принца утвердили придворным свинопасом и отвели ему крошечную каморку рядом со свинными закутками. День-деньской просидел он за работой и к вечеру смастерил чудесный горшочек. Горшочек был весь увешан бубенчиками, и когда в нём что-нибудь варили, бубенчики называли старую песенку:

Ах, мой милый Августин,
Всё прошло, прошло, прошло!

А держа руку над подымавшимся из горшочка паром, можно было узнать, какое у кого в городе готовилось кушанье.

Вот принцесса отправилась с фрейлинами на прогулку и вдруг услышала мелодичный звон бубенчиков. Она вся просияла: она тоже умела наигрывать на фортепиано эту песенку.

— Ах, ведь и я это играю! — сказала она. — Так свинопас-то у нас образованный! Слушайте, пусть кто-нибудь из вас пойдёт и спросит у него, что стоит этот инструмент.

Одной из фрейлин пришлось пойти на задний двор.

— Что возьмёшь за горшочек? — спросила она.

— Десять поцелуев принцессы! — отвечал свинопас.

— Как можно! — сказала фрейлина.

— А дешевле нельзя! — отвечал свинопас.

— Ну что? — спросила принцесса, — шепни мне на ухо!

И фрейлина шепнула принцессе.

— Вот невежа! — сказала принцесса и пошла было, но... бубенчики звенели так мило...

— Послушай! — сказала принцесса фрейлине. — Пойди спроси, не возьмёт ли он десять поцелуев моих фрейлин?

— Нет, спасибо! — ответил свинопас. —

Десять поцелуев принцессы, или горшочек останется у меня.

— Ну, придётся вам стать вокруг, чтобы никто нас не увидал! — сказала принцесса.

Фрейлины обступили её и растопырили юбки; свинопас получил десять принцессиных поцелуев, а принцесса — горшочек.

Вот была радость! Целый вечер горшочек не сходил с очага, а в городе не осталось ни одной кухни, о которой бы они не знали, что в ней стряпалось.

Фрейлины прыгали и хлопали в ладоши:
— Мы знаем, у кого сегодня сладкий суп и блинчики! Мы знаем, у кого каша и свиные котлеты! Как интересно!

— Держите язык за зубами, я ведь императорская дочка!
— Помилуйте! — сказали все.

А свинопас даром времени не терял и смастерил трещотку; когда её начинали вертеть, раздавались звуки всех вальсов и полек, какие только есть на белом свете.

— Но это superbe! — сказала принцесса, проходя мимо.—
Послушайте, спросите, что он хочет за этот инструмент. Но целоваться я больше не стану!

— Он требует сто принцессиных поцелуев! — доложила фрейлина, побывав у свинопаса.

— Да что он, в уме? — сказала принцесса и пошла своею дорогой, но сделала два шага и остановилась.

— Надо поощрять искусство! — сказала она.— Скажите ему, что я дам ему по-вчерашнему десять поцелуев, а остальные пусть дополучит с моих фрейлин!

— Ну, нам это вовсе не по вкусу! — сказали фрейлины.

— Пустяки! — сказала принцесса.— Уж если я могу целовать его, то вы и подавно!

И фрейлине пришлось ещё раз отправиться к свинопасу.

— Сто принцессиных поцелуев! — повторил он.

— Ладно, становитесь вокруг! — скомандовала принцесса, и фрейлины обступили её, а свинопас принялся её целовать.

— Что это за сборище у свиных закуток? — спросил, выйдя на балкон, император и надел очки.— Э, да это фрейлины опять что-то затеяли! Надо пойти посмотреть.

И он расправил задники своих домашних туфель. Туфлями служили ему стоптанные башмаки. Вы бы только поглядели, как он быстро зашлёпал в них!

Придя на задний двор, он потихоньку подкрался к фрейлинам, а те все были ужасно заняты счётом поцелуев,— надо же было следить за тем, чтобы расплата была честной и свинопас не получил ни больше, ни меньше, чем ему следовало. Никто не заметил императора, а он привстал на цыпочки.

Всё выше и выше летели они, и вдруг зеркало так перекошило, что оно вырвалось у них из рук, полетело на землю и разбилось вдребезги.

Миллионы, биллионы и ещё гораздо больше его осколков наделали, однако, несравненно больше вреда, чем само зеркало. Некоторые из них, величиной всего с песчинку, разлетаясь по белу свету, попадали, случалось, людям в глаза и так там и оставались. Человек же с таким осколком в глазу начинал видеть всё наоборот или замечать в каждой вещи одно лишь дурное, так как каждый осколок сохранял свойство, которым отличалось прежде целое зеркало. Некоторым людям осколки попадали прямо в сердце, и это было хуже всего: сердце превращалось в кусок льда. Были между этими осколками и совсем большие — такие, что их можно было вставить в оконные рамы, но уж в эти окна не стоило смотреть на своих добрых друзей. Наконец, были такие осколки, которые пошли на очки; только беда была, если люди надевали их с целью смотреть на вещи и судить о них вернее. Злой тролль хохотал до колик в животе. А по свету летало ещё много осколков зеркала.

Послушаем же!

ИСТОРИЯ ВТОРАЯ

Мальчик и девочка

В большом городе, где столько домов и людей, что не всем удаётся отгородить себе хоть маленькое местечко для садика, и где поэтому большинству жителей приходится довольствоваться комнатными цветами в горшках, жили двое бедных детей, но у них был садик побольше цветочного горшка.

Родители их жили под самой крышей в двух смежных домах. Там, где кровли домов почти сходились, а под выступами кровель шёл водосточный жёлоб, — туда как раз были обращены чердачные окошки обеих семей. Таким образом, стоило только перешагнуть с одного жёлоба на другой — и вы попадали к соседям.

У родителей было по большому деревянному ящику; в них росли овощи и небольшие кусты роз — в каждой по одному; кусты эти чудесно разрастались. Родителям пришло в голову поставить эти ящики поперёк желобов — и словно две цветущие грядки протянулись от одного окна к другому. Горох спускался из ящиков зелёными гирляндами, розовые кусты

обрамляли окна и сплетались ветвями, а мальчик и девочка ходили друг к другу по крыше в гости и сидели на скамеечке под розами. Тут они так чудесно играли!

Зимой окна часто замерзали, и это удовольствие прекращалось. Но дети нагревали на печке медные монеты и прикладывали их к замёрзшим стёклам — сейчас же оттаивало чудесное отверстие, а в него выглядывал весёлый, ласковый глазок — это смотрели, каждый из своего окна, мальчик и девочка: Кай и Герда. На дворе же ветер крутил снег.

— Это роятся белые пчёлки! — говорила старая бабушка.

— А у них тоже есть королева? — спрашивал мальчик: он знал, что у настоящих пчёл есть такая.

— Есть, — отвечала бабушка. — Она там, где рой всего гуще, она больше всех и никогда подолгу не остаётся на земле. Часто по ночам пролетает она по улицам и заглядывает в окошки — и стёкла тогда покрываются ледяными узорами.

— Видели! — говорили дети и верили, что это правда.

— А Снежная королева не может войти сюда? — спросила раз девочка.

— Пусть-ка попробует! — сказал мальчик. — Я посажу её на тёплую печку, вот она и растает.

Бабушка погладила его по голове и заговорила о другом.

Вечером, когда Кай был дома и почти совсем разделся, собираясь лечь спать, он вскарабкался на стул у окна и поглядел в маленький, оттаявший на оконном стекле кружочек. За окном порхали снежинки; одна из них упала на край цветочного ящика и начала расти, пока наконец не превратилась в женщину, закутанную в тончайший белый тюль. Она была так прелестна и нежна, но вся изо льда, из ослепительного, сверкающего льда, и всё же живая! Она кивнула мальчику и поманила его рукой. Мальчуган испугался и прыгнул со стула; мимо окна промелькнуло что-то похожее на большую птицу.

На другой день был славный мороз, но затем сделалась оттепель, а там пришла и весна.

Солнце светило, зелень опять показалась из земли, ласточки вили под крышей гнёзда, окна растворили, и дети снова сидели в своём маленьком садике высоко над всеми этажами.

В то лето розы цвели особенно пышно.

Дети пели, взявшись за руки, целовали розы, смотрели на солнечное сияние и разговаривали с ним. Как чудесны были эти летние дни, как хорошо было под кустами благоухающих роз!

Кай и Герда сидели и рассматривали книжку с картинками — зверями и птицами; на больших башенных часах пробило пять.

— Ай! — вскрикнул вдруг мальчик. — Меня кольнуло прямо в сердце, и что-то попало в глаз!

Девочка обвила своей ручонкой его шею; он мигал глазами, но ни в одном ничего не было видно.

— Должно быть, выскочило, — сказал он.

Но в том-то и дело, что нет. Это был как раз крошечный осколок дьявольского зеркала. Бедняжка Кай! Теперь сердце его должно было превратиться в кусок льда!

— О чём же ты плачешь? — спросил он Герду. — Мне совсем не больно... Какая ты делаешься некрасивая! Фу! — закричал он затем. — Эту розу точит червь. А та совсем кривая. Какие гадкие розы! Не лучше ящиков, в которых торчат!

И он толкнул ящик ногою и обломал две розы.

— Кай, что ты делаешь! — закричала девочка, а он вырвал ещё одну и убежал от маленькой Герды в своё окно.

Приносила ли после того ему девочка книжку с картинками, он говорил, что эти картинки хороши только для грудных ребят; рассказывала ли что-нибудь бабушка, он придирался к её словам. А потом... дошёл и до того, что крался за ней, передразнивая её походку. Выходило очень похоже и смешило людей. Скоро мальчик выучился передразнивать и всех соседей. Он отлично умел выставить напоказ все их странности и недостатки, и люди говорили: «Что за голова у этого мальчугана!»

А причиной всему был осколок зеркала, что попал ему в глаз, а затем и в сердце. Потому-то он передразнивал даже милую Герду, которая любила его всем сердцем.

И забавы его стали теперь совсем иными. Однажды зимою, когда шёл снег, он явился с большим увеличительным стеклом и подставил под снег полу своего синего пальто.

— Погляди в стекло, Герда, — сказал он. Каждая снежинка казалась под стеклом куда больше, чем была на самом деле, и походила на роскошный цветок или десятиугольную звезду. Это было очень красиво.

— Видишь, как искусно сделана, — сказал Кай. — Это гораздо интереснее настоящих цветов! И какая точность! Ни единой неправильной линии! Ах, если бы они только не таяли!

Немного спустя Кай явился в больших рукавицах, с санками за спиной, крикнул Герде в самое ухо: «Мне позволили покататься на большой площади!» — и убежал.

На площади каталось множество детей. Те, что были посмелее, привязывали свои санки к крестьянским саням и прокатывались таким образом довольно далеко. Веселье так и кипело. В самый разгар его на площади появились большие сани, выкрашенные в белый цвет. В них сидел кто-то укутанный в белую меховую шубу и такую же шапку. Сани объехали вокруг площади два раза. Кай привязал к ним свои санки и покатился. Большие сани понеслись быстрее и затем свернули с площади в переулок. Сидевший в них человек обернулся и дружески кивнул Каю, точно знакомому. Кай несколько раз порывался отвязать свои санки, но человек в шубе кивал ему, и он продолжал ехать. Вот они выехали за городские ворота. Мальчик поспешил отпустить верёвку, которою зацепился за большие сани, но санки его точно приросли к ним и продолжали вихрем нестись вперёд. Снежные хлопья росли, росли и обратились под конец в больших белых куриц.

Вдруг они разлетелись в стороны, большие сани остановились, и сидевший в них человек встал.

Это была высокая, стройная, ослепительно белая женщина — Снежная королева; и шуба и шапка на ней были из снега.

— Славно проехались! — сказала она. — Но ты совсем замёрз — полезай ко мне в медвежью шубу!

И, посадив мальчика в сани, она завернула его в свою шубу. Кай словно опустился в снежный сугроб.

— Всё ещё мёрзнешь? — спросила она и поцеловала его в лоб.

У! Поцелуй её был холоднее льда, он пронизал его насквозь и дошёл до самого сердца, а оно и без того уже было наполовину ледяным. Каю показалось, что он сейчас умрёт... Но это только на одну минуту, а потом, напротив, ему стало хорошо, он даже совсем перестал зябнуть.

— Мои санки! Не забудь мои санки! — спохватился он прежде всего о санках.

И санки были привязаны на спину одной из белых куриц, которая и полетела с ними за большими санями. Снежная королева поцеловала Каю ещё раз, и он позабыл и Герду, и бабушку, и всех домашних.

— Больше я не буду целовать тебя, — сказала она. — А не то зацелую до смерти.

Кай взглянул на неё. Она была так хороша! Более умного, прелестного лица он не мог себе и представить. Теперь уже она не казалась ему ледяною, как в тот раз, когда сидела за окном и кивала ему головой.

Он совсем не боялся её и рассказал ей, что знает все четыре действия арифметики да ещё с дробями; знает, сколько в каждой стране квадратных миль и жителей, а она только улыбалась в ответ. И тогда ему показалось, что он и в самом деле знает мало.

В тот же миг Снежная королева подхватила его, и они взвились на чёрное облако. Буря выла и стонала, словно распевала старинные песни; они летели над лесами и озёрами, над морями и твёрдой землёй; под ними дули холодные ветры, выли волки, сверкал снег, летали с криком чёрные вороны, а высоко

над ними сиял большой ясный месяц. На него и смотрел Кай всю долгую-долгую зимнюю ночь — днём он спал у ног Снежной королевы.

ИСТОРИЯ ТРЕТЬЯ

Цветник женщины, умеющей колдовать

А что же было с Гердой, когда Кай не вернулся? И куда он девался? Никто этого не знал. Много было пролито слёз; горько и долго плакала Герда. Наконец порешили, что Кай умер. Долго тянулись мрачные зимние дни.

Но вот настала весна, выглянуло солнце.

— Кай умер и больше не вернётся! — сказала Герда.

— Не верю! — отвечал солнечный свет.

— Он умер и не вернётся! — повторила она ласточкам.

— Не верим! — ответили они.

Под конец и сама Герда перестала этому верить.

— Надену-ка я свои новые красные башмачки, — сказала она однажды утром, — да пойду к реке спросить про него.

Было ещё очень рано. Она поцеловала спящую бабушку, надела красные башмачки и побежала за город, прямо к реке.

— Правда, что ты взяла моего братца? — спросила Герда. — Я подарю тебе свои башмачки, если ты отдашь мне его!

И девочке почудилось, что волны странно кивают ей. Тогда она сняла башмачки — самое драгоценное, что у неё было — и бросила их в реку. Но они упали как раз у берега, и волны сейчас же выбросили их. Девочка подумала, что бросила башмачки недостаточно далеко, влезла в лодку, качавшуюся в тростнике, и опять бросила башмачки в воду. Лодка не была привязана и стала медленно отплывать от берега. Герда испугалась и принялась кричать, но никто не слышал её криков. Лодку уносило всё дальше, а красные башмачки плыли сзади, но никак не могли догнать её.

«Может быть, река несёт меня к Каю?» — подумала Герда, повеселела и стала любоваться красивыми зелёными берегами.

Но вот она приплыла к большому вишнёвому саду, в котором приютился домик с соломенной крышей. У дверей стояли два деревянных солдата и отдавали всем честь. Герда закричала им, но они, понятно, ничего не ответили. Тут из домика вышла старая-престарая старушка в огромной соломенной шляпе, расписанной чудесными цветами.

— Ах ты, бедная крошка! — сказала старушка. — Как это ты попала на такую большую быструю реку?

С этими словами старушка вошла в воду, зацепила лодку своею клюкой, притянула её к берегу и высадила Герду.

— Ну, пойдём. Расскажешь мне, кто ты и как сюда попала, — сказала старушка.

Герда стала рассказывать ей обо всём, а старушка покачивала головой и повторяла: «Гм! Гм!» Когда девочка кончила, она спросила старуху, не видала ли она Кая. Та ответила, что он ещё не проходил тут, но, верно, пройдёт, так что девочке пока не о чем горевать, пусть лучше попробует вишен да полюбуется цветами, что растут в саду. Тут старушка взяла Герду за руку, увела к себе в домик и заперла дверь на ключ.

Окна домика были все из разноцветных стёклышек; от этого и сама комната была освещена каким-то удивительным радужным светом. На столе стояла корзинка с вишнями, и Герда могла есть их сколько душе угодно. Пока же она ела, старушка расчёсывала ей волосы золотым гребешком.

— Давно мне хотелось иметь такую девочку! — сказала старушка. — Вот увидишь, как ладно мы заживём с тобой!

И она продолжала расчёсывать кудри девочки, и чем дольше чесала, тем больше Герда забывала своего названного братца Кая — старушка умела колдовать. Она не была злою колдуньей и колдовала только изредка, для своего удовольствия. Теперь же ей очень захотелось оставить у себя Герду.

Она пошла в сад, дотронулась своей клюкой до всех розовых кустов, и те ушли глубоко-глубоко в землю. Старушка боялась, что Герда при виде этих роз вспомнит о своих розах, а там и о Кае, да и убежит от неё.

Потом старушка повела Герду в цветник. Тут были цветы всех родов и всех времён года. Герда прыгала от радости и играла среди цветов, пока солнце не село. Тогда её уложили в чудесную постельку. Девочка заснула, и ей снились сны, какие видит разве королева в день своей свадьбы.

Так прошло много дней. Герда знала теперь каждый цветочек, но ей всё-таки казалось, что какого-то недостаёт. Раз она сидела и рассматривала соломенную шляпу старушки, расписанную цветами; самым красивым из них была роза — старушка забыла её стереть. Вот что значит рассеянность!

— Как! Тут нет роз? — сказала Герда и сейчас же побежала искать их на грядках.

Искала-искала, да так и не нашла.

Тогда девочка опустилась на землю и заплакала. Тёплые слезы упали как раз на то место, где стоял прежде один из розовых кустов, и как только они смочили землю, куст мгновенно вырос из неё, такой же цветущий, как прежде.

Герда принялась целовать цветы и вспомнила о тех чудных розах, что цвели у неё дома, а вместе с тем и о Кае.

— Как же я замешкалась! — сказала девочка. — Мне ведь надо искать Кая!.. Не знаете ли вы, где он? — спросила она у роз. — Верите ли вы тому, что он умер?

— Он не умер! — сказали розы. — Мы ведь были под землёю, где все умершие, но Кая меж ними не было.

— Спасибо! — сказала Герда и пошла к другим цветам. Она спрашивала их: «Не знаете ли вы, где Кай?»

Но ни один из цветов не сказал ни слова о Кае.

И Герда пошла к одуванчику, сиявшему в зелёной траве.

— Ты маленькое ясное солнышко, — сказала ему Герда. — Не знаешь ли ты, где мне искать моего названного брата?

Одуванчик засиял ещё ярче, взглянул на девочку и запел. Какую же песенку спел он ей? Увы! В этой песенке ни слова не говорилось о Кае!

— Был первый весенний день, солнце грело и так приветливо светило на маленький дворик. На двор вышла посидеть старушка-бабушка. Вот пришла из гостей внучка и крепко поцеловала старушку. Вот и всё! — сказал одуванчик.

«Бедная моя бабушка! — вздохнула Герда. — Верно, она скучает обо мне. Верно, горюет, как горевала о Кае. Но я скоро вернусь и приведу его с собой. Нечего больше и расспрашивать цветы — от них ничего не добьёшься, они знают только свои песенки!» И она побежала в конец сада.

Дверь была заперта, но Герда так долго шатала ржавый засов, что он подался, дверь отворилась, и девочка так, босоножкой, и пустилась бежать по дороге. Наконец она устала, присела на камень и огляделась кругом: лето уже прошло, на дворе стояла поздняя осень, а в чудесном саду старушки, где вечно сияло солнышко и цвели цветы всех времён года, этого не было заметно.

— Господи! Как же я замешкалась! Ведь уж осень на дворе! Тут не до отдыха! — сказала Герда и опять пустилась в путь.

Ах, как ныли её бедные, усталые ножки! Как холодно, сыро было вокруг! Каким пустым и унылым казался весь мир!

ИСТОРИЯ ЧЕТВЁРТАЯ

Принц и принцесса

Пришлось Герде присесть отдохнуть. На снегу прямо перед ней прыгал большой ворон. Он долго смотрел на девочку, кивая ей головой, и наконец заговорил:

— Кар-кар! Здр-р-р-авствуй!

Чище этого он выговаривать по-человечески не мог, но, видимо, желал девочке добра и спросил её, куда это она бредёт по белу свету совсем одна. Рассказав ворону свою историю, девочка спросила, не видел ли он Кая.

Ворон задумчиво покачал головой и сказал: «Очень вероятно!»

— Как! Правда? — воскликнула девочка и чуть не задушила его поцелуями.

— Потихе, потихе! — сказал ворон. — Я думаю, что это был твой Кай. Но теперь он, наверно, забыл тебя со своей принцессой!

— Разве он живёт у принцессы? — спросила Герда.

— А вот послушай, — сказал ворон, глядя вверх очков.

И он рассказал девочке обо всём, что сам знал.

— В королевстве, где мы с тобой находимся, есть принцесса, такая умница, что и сказать нельзя! Она прочла все газеты на свете и позабыла всё, что в них прочла, — вот какая умница! Раз как-то сидела она на троне и напевала песенку: «Отчего бы мне не выйти замуж?..» «А ведь и в самом деле!» — подумала она, и ей захотелось замуж.

Но в мужья она хотела выбрать себе такого человека, который бы сумел отвечать, когда с ним заговорят, а не такого, что умел бы только важничать — это ведь так скучно! И вот барабанным боем созвали всех придворных дам и объявили им волю принцессы. На другой день в газетах было объявлено, что каждый молодой человек приятной наружности может явиться во дворец и побеседовать с принцессой; того же, кто будет держать себя вполне свободно, как дома, и окажется всех красноречивее, принцесса изберёт себе в мужья.

— Да, да! — повторил ворон. — Всё это так же верно, как то, что я сижу здесь, перед тобою.

Народ повалил во дворец валом, но толку не вышло никакого ни в первый, ни во второй день. На улице все женихи говорили отлично, но стоило им перешагнуть дворцовый порог, увидеть гвардию всю в серебре, а лакеев в золоте и вступить в огромные, залитые светом залы, как их тут же брала оторопь. Подступят к трону, где сидит принцесса, да и повторяют только её же последние слова, а ей вовсе не это было нужно.

— Ну, а Кай-то, Кай? — спросила Герда. — Когда же он явился? И он пришёл свататься?

— Пстой! Пстой! Теперь мы как раз дошли и до него. На третий день явился небольшой человечек, не в карете, а просто пешком, и вошёл во дворец. Глаза его блестели, как твои; волосы у него были длинные, но одет он был бедно.

— Это Кай! — обрадовалась Герда. — Я нашла его!

— За спиной у него была котомка, — продолжал ворон.

— Нет, это, верно, были его саночки! — сказала Герда.

— Очень возможно, — сказал ворон. — Я не разглядел хорошенько. Так вот, моя невеста, ручная ворона, которая живёт при дворе, рассказывала мне, что, войдя в дворцовые ворота и увидев гвардию в серебре, на лестницах — лакеев в золоте, он ни капельки не смутился, кивнул головою и сказал: «Скучненько, должно быть, стоять тут, на лестнице, я лучше войду в комнаты!»

Он смело подошёл к принцессе. Она сидела на жемчужине величиною с колесо прялки, а кругом стояли придворные дамы со своими служанками и служанками служанок и кавалеры с камердинерами, слугами камердинеров и прислужниками камердинерских слуг.

— Вот страх-то! — сказала Герда. —

А Кай всё-таки женился на принцессе?

— Не будь я вороном, я бы и сам женился на ней, хоть я и помолвлен. Он вступил

с принцессой в беседу и говорил так же хорошо, как я, когда говорю по-вороньи, — так, по крайней мере, сказала мне моя ручная невеста. Держался он вообще очень свободно и мило и заявил, что пришёл не свататься, а только послушать умные речи принцессы. Ну и вот, она ему понравилась, он ей тоже.

— Да, да, это Кай! — сказала Герда. — Он ведь такой умный! Он знал все четыре действия арифметики да ещё с дробями! Ах, проводи же меня во дворец!

— Легко сказать, — отвечал ворон, — да как это сделать? Пстой, я поговорю с моей ручной невестой, она что-нибудь придумает и посоветует нам. Ты думаешь, что тебя вот так прямо и впустят во дворец? Как же, не очень-то пускают таких девочек!

— Меня впустят! — сказала Герда. — Когда Кай услышит что я тут, он сейчас же прибежит за мною.

— Подожди меня тут у решётки, — сказал ворон, повертел головой и улетел.

Вернулся он уже совсем под вечер и закаркал:

— Кар, кар! Моя невеста шлёт тебе тысячу поклонов и вот этот маленький хлебец. Она стащила его в кухне — там их много, а ты, верно, голодна!.. Ну, во дворец тебе не попасть: ты ведь босая — гвардия в серебре и лакеи в золоте ни за что не пустят тебя. Но не плачь, ты всё-таки попадёшь туда. Невеста моя знает, как пройти в спальню принцессы с чёрного хода, и знает, где достать ключ...

И вот они вошли в сад, пошли по длинным аллеям, где один за другим падали осенние листья, и когда все огоньки в дворцовых окнах погасли, ворон провёл девочку в маленькую полуотворённую дверцу.

О, как билось сердечко Герды от страха и нетерпения! Она точно собиралась сделать что-то дурное, а ведь она только хотела узнать, не здесь ли её Кай! Да, да, он, верно, здесь! Она так живо представляла себе его умные глаза, длинные волосы; она ясно видела, как он улыбался ей, когда они, бывало, сидели рядышком под кустами роз. Он, вероятно, обрадуется, когда увидит её, услышит, на какой длинный путь решилась она ради него, и узнает, как горевали о нём все домашние! Ах, она была просто вне себя от страха и радости!

Но вот они и на площадке лестницы. На шкафу горела лампочка, а на полу сидела ручная ворона. Герда присела и поклонилась, как учила её бабушка.

— Мой жених рассказывал мне о вас столько хорошего, барышня! — сказала ворона. — Не угодно ли вам взять лампу? Я пойду впереди и буду показывать дорогу.

В ту же минуту мимо них с лёгким шумом промчались какие-то тени.

— Это сны, — сказала ручная ворона. — Знатным особам при дворе, очевидно, снится охота.

Наконец они дошли до спальни. Потолок напоминал верхушку огромной пальмы с хрустальными листьями; с середины его спускался толстый золотой стебель, на котором висели две кровати в виде лилий. Одна была белая, в ней спала принцесса, а другая — красная, и в ней Герда надеялась найти Кая.

Девочка отогнула один из лепестков и увидела тёмнорусый затылок. Это Кай! Она назвала его по имени и поднесла лампу к самому лицу. Принц проснулся и повернул голову... Ах, это был не Кай! Из белой лилии выглянула принцесса и спросила, что случилось. Герда заплакала и рассказала свою историю, упомянув и о том, что сделали для неё вороны.

— Ах ты, бедняжка! — сказали принц и принцесса; они похвалили ворон, объявили, что ничуть не гневаются на них, и захотели даже наградить их. — Хотите быть вольными птицами? — спросила принцесса. — Или желаете занять должность придворных ворон на полном содержании из кухонных остатков?

Ворон с вороной поклонились и попросили себе должность при дворе — они подумали о старости и сказали:

— Хорошо ведь иметь верный кусок хлеба на старости лет!

Принц встал и уступил свою постель Герде; больше он пока ничего не мог для неё сделать. А она сложила ручки и подумала: «Как добры все люди и животные!», закрыла глазки и сладко заснула. Сны опять прилетели в спальню, но теперь они везли на маленьких саночках Кая, который кивал Герде головой. Увы, всё это было лишь во сне и исчезло, как только девочка проснулась.

На другой день её одели с ног до головы в шёлк и бархат и позволили ей оставаться во дворце, сколько она пожелает. Девочка могла жить да поживать тут припеваючи, но она прогостила всего несколько дней и стала просить, чтобы ей дали повозку с лошадью и пару башмаков, — она опять хотела пуститься разыскивать по свету своего названного братца.

Ей дали и башмаки, и муфту, и чудесное платье, а когда она простилась со всеми, к воротам подъехала карета из чистого золота, с сияющими, как звёзды, гербами принца и принцессы; у кучера, лакеев и фореиторов красовались на головах маленькие золотые короны. Принц и принцесса сами усадили Герду в карету и пожелали ей счастливого пути. Лесной ворон, который уже успел жениться, провожал девочку первые три мили и сидел в карете рядом с нею. Ручная ворона сидела на воротах и хлопала крыльями. Она не ехала провожать Герду, потому что страдала головными болями с тех пор, как получила должность при дворе и слишком много ела. Карета битком была набита сахарными крендельками, а ящик под сиденьем — фруктами и пряниками.

— Прощай, прощай! — закричали принц и принцесса.

Герда заплакала, ворона тоже. Так проехали они первые три мили. Тут простился с девочкой и ворон. Он взлетел на дерево и махал чёрными крыльями до тех пор, пока карета, сиявшая, как солнце, не скрылась из виду.

ИСТОРИЯ ПЯТАЯ Маленькая разбойница

Вот Герда въехала в тёмный лес, в котором жили разбойники.

— Золото! Золото! — закричали они, схватили лошадей под уздцы, убили всех слуг и вытащили из кареты Герду.

— Ишь, какая славенькая, жирненькая! Орешками откормлена! — сказала старуха-разбойница с длинной жёсткой бородой и мохнатыми нависшими бровями. — Ну-ка, какова на вкус будет?

И она вытащила острый сверкающий нож. Вот ужас!

— Ай! — закричала она вдруг: её укусила за ухо собственная дочка, которая сидела у неё за спиной! — Ах ты, дрянная девчонка! — закричала в сердцах мать, но убить Герду не успела.

— Она будет играть со мной, — сказала маленькая разбойница. — Она отдаст мне свою муфту, своё хорошенькое платье и будет спать со мной в моей постельке.

И девочка опять так укусила мать, что та подпрыгнула и завертелась на одном месте. Разбойники захохотали:

— Ишь, как пляшет со своей девчонкой!

— Хочу сесть в карету! — закричала маленькая разбойница и настояла на своём — она была ужасно избалована и упряма.

Они уселись с Гердой в карету и помчались в чащу леса. Маленькая разбойница была ростом с Герду. Глаза у неё были чёрные, но какие-то печальные. Она обняла Герду и сказала:

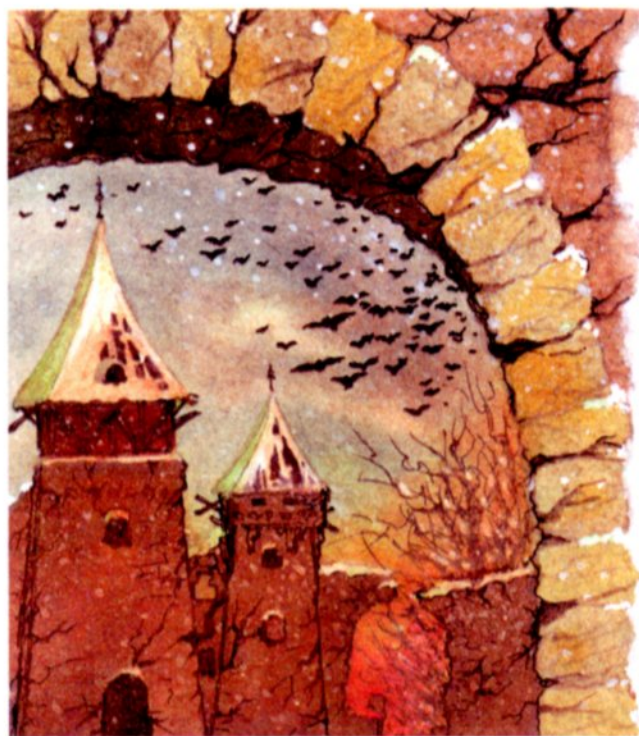
— Они тебя не убьют, пока я не рассержусь на тебя. Ты, верно, принцесса?

— Нет, — ответила девочка и рассказала, что пришлось ей испытать и как она любит Кая.

Маленькая разбойница серьёзно поглядела на неё, слегка кивнула головой и сказала:

— Они тебя не убьют, даже если я рассержусь на тебя, — я лучше сама убью тебя!

И она отёрла слёзы Герде, а потом спрятала обе руки в её тёплую муфточку.

Вот карета остановилась; они въехали во двор разбойничьего замка. Он весь был в трещинах; из них вылетали вороны и вороны. Откуда-то выскочили огромные бульдоги, они подпрыгивали высоко в воздух, но не лаяли — это было запрещено.

Посреди огромной залы с полуразвалившимися стенами и каменным полом пылал огонь. Над огнём кипел в огромном котле суп, а на вертелах жарились зайцы и кролики.

— Ты будешь спать вместе со мной вот тут, возле моего маленького зверинца, — сказала Герде маленькая разбойница.

Девочек накормили, напоили, и они ушли в свой угол, где была постлана солома, накрытая коврами. Повыше сидело на жёрдочках больше сотни голубей.

— Все мои! — сказала маленькая разбойница, схватила одного голубя за ноги и так тряхнула его, что тот забил крыльями. — На, поцелуй его! — крикнула она, ткнув голубя Герде в лицо. — А тут сидят лесные плутишки, — продолжала она, указывая на двух голубей, сидевших в небольшом углублении в стене, за деревянной решёткой. — Их надо держать взаперти — не то живо улетят. А вот и мой милый старичина-бляшка! — И девочка потянула за рога привязанного к стене северного оленя в блестящем медном ошейнике. — Его тоже нужно держать на привязи — иначе удерёт. Каждый вечер я щекочу его под шеей своим острым ножом — он до смерти этого боится.

С этими словами маленькая разбойница вытащила длинный нож и провела им по шее оленя. Бедное животное забрыкалось, а девочка захохотала и потащила Герду к постели.

— Разве ты спишь с ножом? — испуганно спросила её Герда, покосившись на острый нож.

— Всегда! — отвечала маленькая разбойница. — Как знать, что может случиться!.. Но расскажи мне ещё раз о Кая и о том, как ты пустилась странствовать по белу свету.

Герда рассказала. Голуби в клетке тихо ворковали. Маленькая разбойница обвила рукой шею Герды и заснула, но Герда не могла сомкнуть глаз, не зная, оставят ли её в живых.

Вдруг лесные голуби проворковали:

— Куррр! Куррр! Мы видели Кая! Белая курица несла на спине его санки, а сам он сидел в санях Снежной королевы. Они летели над лесом, когда мы, птенчики, ещё лежали в гнезде. Она дохла на нас — и все умерли, кроме нас двоих. Куррр!

— Что вы говорите! — воскликнула Герда. — Куда же полетела Снежная королева? Знаете?

— Наверное, в Лапландию — там ведь вечный снег и лёд. Спроси у северного оленя, что стоит тут на привязи.

— Да, там вечный снег и лёд. Чудо как хорошо! — сказал северный олень. — Там можно прыгать себе на воле по огромным блестящим ледяным равнинам. Там раскинут летний шатёр Снежной королевы, а постоянные её чертоги — у Северного полюса, на острове Шпицберген.

— О Кай, мой милый Кай! — вздохнула Герда.

— Лежи же смиренно, — сказала маленькая разбойница. — Не то я пырну тебя ножом!

Утром Герда рассказала ей, что слышала от лесных голубей. Маленькая разбойница серьёзно посмотрела на Герду, кивнула головой и сказала:

— Ну, так и быть!.. Ты знаешь, где Лапландия? — спросила она затем у северного оленя.

— Кому же и знать, как не мне! — отвечал олень. — Там я родился и вырос, там прыгал по снежным равнинам.

— Так слушай, — сказала Герде маленькая разбойница. — Видишь, дома одна мать; немного погоды она хлебнёт из большой бутылки и вздремнёт, а я кое-что сделаю для тебя.

Потом, когда старуха хлебнула из своей бутылки и захрапела, маленькая разбойница подошла к северному оленю и сказала:

— Ещё долго можно было бы потешаться над тобой. Уж больно ты бываешь уморительным, когда тебя щекочат острым ножом. Ну, да так и быть! Я отвяжу тебя и выпущу на волю. Ты можешь убежать в свою Лапландию, но должен за это отвезти ко дворцу Снежной королевы вот эту девочку.

Ты ведь, конечно, слышал, что она рассказывала? Она говорила довольно громко, а ты всегда подслушиваешь.

Северный олень подпрыгнул от радости. Маленькая разбойница посадила на него Герду, крепко привязав её ради осторожности и даже подсунула под неё мягкую подушечку, чтобы ей удобнее было сидеть.

— Так и быть, — сказала она затем, — возьми назад свои меховые сапожки: будет ведь холодно! А муфту уж я оставлю себе, больно она хороша. Но мёрзнуть я тебе не дам вот огромные рукавицы моей матери, они дойдут тебе до самых локтей. Сунь в них руки! Ну вот, теперь руками ты похожа на мою безобразную мать. Герда плакала от радости.

— Терпеть не могу, когда хнычут! — сказала маленькая разбойница. — Теперь ты должна радоваться. Вот тебе ещё два хлеба и окорок, чтобы тебе не пришлось голодать.

И то и другое было привязано к оленю. Затем маленькая разбойница отворила дверь, перерезала своим острым ножом верёвку, которую был привязан олень, и сказала ему:

— Ну, живо! Да береги смотри девочку. Герда протянула маленькой разбойнице обе руки в огромных рукавицах и попрощалась с нею. Северный олень пустился во всю прыть через пни и кочки по лесу, по болотам и степям. Волки выли, вороны каркали...

— Уф! Уф! — послышалось вдруг с неба, и оно словно зачихало огнём.

— Вот моё родное северное сияние! — сказал олень. — Гляди, как горит!

И он побежал дальше. Хлеб был уже съеден, окорок тоже, и вот они очутились в Лапландии.

ИСТОРИЯ ШЕСТАЯ *Лапландка и финка*

Олень остановился у жалкой избушки. Крыша спускалась до самой земли, а дверь была такая низенькая, что людям приходилось проползать в неё на четвереньках.

Дома была одна старуха-лапландка, жарившая рыбу. Северный олень рассказал лапландке всю историю Герды, но сначала рассказал свою собственную — она казалась ему важнее.

— Ах вы, бедняги! — сказала лапландка. — Долгий же вам ещё предстоит путь! Придётся сделать аж сто миль с лишним, пока доберётесь до Финляндии, где живёт Снежная королева. Я напишу два слова на сушёной треске — бумаги у меня нет — а вы снесёте её финке, которая живёт в тех местах и лучше моего сумеет научить вас, что надо делать.

Когда Герда согрелась, поела и попила, лапландка написала два слова на сушёной треске, велела Герде беречь её, потом привязала девочку к спине оленя, и тот снова помчался.

— Уф! Уф! — послышалось опять с неба, и оно стало выбрасывать столбы чудесного голубого пламени. Так добежал олень с Гердой и до Финляндии и постучался в дымовую трубу финки — у неё и дверей-то не было.

Ну и жара стояла в её жильё! Финка живо стащила с Герды одежду, положила оленю на голову кусок льда и затем принялась читать то, что было написано на сушёной треске.

Она прочла всё три раза, пока не заучила наизусть, и потом сунула треску в котёл с супом — рыба ведь ещё годилась в пищу, а у финки ничего даром не пропадало.

Тут олень рассказал сначала свою историю, а потом уже историю Герды. Финка мигала своими умными глазками, но не говорила ни слова.

— Ты мудрая женщина,— сказал олень.— Не изготовишь ли ты питье, которое даст девочке силу двенадцати богатырей?

Она взяла большой кожаный свиток и принялась читать какие-то удивительные письма. Олень опять стал просить за Герду, а Герда смотрела на финку такими умоляющими глазами, что та отвела оленя в сторону и шепнула:

— Кай в самом деле у Снежной королевы, но он думает, что лучше ему нигде и быть не может. Причиной же всему — те осколки зеркала, что сидят у него в сердце и в глазу.

— А не можешь ли ты сделать Герду сильнее всех?

— Сильнее, чем она есть, я не могу её сделать. Если она сама не сможет проникнуть в покои Снежной королевы и извлечь из сердца Кая осколки, то никто ей не поможет! В двух милях отсюда начинается сад Снежной королевы. Отнеси туда девочку и спусти у куста, покрытого красными ягодами.

С этими словами финка посадила Герду на спину оленя, и тот бросился бежать со всех ног. «Ай, я без тёплых сапог! Ай, я без рукавиц!» — закричала Герда, очутившись на морозе.

Но олень не смел остановиться, пока не добежал до куста с красными ягодами. Тут он спустил девочку, поцеловал её в самые губы, и по щекам его покатались крупные блестящие слёзы. Затем он стрелой пустился назад. Бедная девочка осталась одна.

Она побежала вперёд что было мочи. Навстречу ей нёсся целый полк снежных хлопьев, они бежали по земле прямо на Герду и становились всё крупнее и крупнее. Это были передовые отряды войска Снежной королевы. Но Герда смело шла всё вперёд и вперёд и наконец добралась до чертогов Снежной королевы.

ИСТОРИЯ СЕДЬМАЯ

Что случилось в чертогах Снежной королевы и что случилось потом

Стены чертогов были наметены снежными метелями, окна и двери пробиты буйными ветрами. Сотни огромных зал, смотря по тому, как наметала их вьюга, тянулись одна за другой. Все они были освещены северным сиянием, а самая большая простиралась на много-много миль. Как холодно, как пустынно было в этих белых, ярко-сверкающих чертогах! Веселье никогда и не заглядывало сюда. Никогда не устраивались здесь медвежьи балы с танцами под музыку бури, в которых могли бы отличиться грацией и умением ходить на задних лапах белые медведи; никогда не составлялись партии в карты с шумными ссорами и дракою и не сходились на беседу за чашкой кофе беленькие кумушки-лисички,— нет, никогда никого! Холодно, пустынно, мёртво и грандиозно!

Посреди большой пустынной снежной залы находилось замёрзшее озеро. Лёд треснул на нём на тысячи кусков, таких одинаковых и правильных, что это казалось каким-то фокусом.

Посреди озера восседала Снежная королева, когда бывала дома, говоря, что сидит на зеркале разума; по её мнению, это было единственное и лучшее зеркало на свете.

Кай совсем посилен, почти почернел от холода, но не замечал этого. Он возился с плоскими остроконечными льдинами, укладывая их на всевозможные лады, это называлось «ледяной игрой разума».

Он складывал из льдин целые слова, но никак не мог сложить того, что ему особенно хотелось, — слово «вечность». Снежная королева сказала ему: «Если ты сложишь это слово, ты будешь сам себе господин, и я подарю тебе весь свет и пару новых коньков впридачу». Но он никак не мог его сложить.

— Я полечу в тёплые края, — сказала Снежная королева.

И она улетела, а Кай остался один и всё думал, думал, так что в голове у него трещало. В это-то время в огромные ворота вошла Герда. Она тотчас узнала Кая, бросилась ему на шею, крепко обняла его и воскликнула:

— Кай, милый мой Кай! Наконец-то я нашла тебя!

Но он сидел всё такой же неподвижный и холодный. Тогда Герда заплакала; горячие слёзы упали ему на грудь, проникли в сердце, растопили его ледяную кору и расплавили осколок. Тогда Кай узнал Герду и обрадовался:

— Милая моя Герда!.. Где же ты была так долго? Где был я сам? — Кай оглянулся вокруг. — Как здесь пустынно!

И он крепко прижался к Герде. Она смеялась и плакала от радости. Да, радость была такая, что даже льдины пустились в пляс, а когда устали, улеглись и составили то самое слово, которое задала сложить Каю Снежная королева. Сложив его, он мог сделаться сам себе господином да ещё получить от неё в дар весь свет и пару новых коньков.

Кай с Гердой рука об руку вышли из ледяных чертогов. Они шли и говорили о бабушке, о розах, что цвели дома в их садике, и перед ними стихали буйные ветры, проглядывало солнце. Когда же они дошли до куста с красными ягодами, там уже ждал их северный олень.

Кай и Герда отправились сначала к финке, отогрелись у неё и узнали дорогу домой, а потом — к лапландке. Та сшила им новое платье, починила свои сани и поехала их провожать.

Олень тоже провожал молодых путников вплоть до самой границы Лапландии, где уже пробивалась первая зелень. Тут Кай и Герда простились с ним и с лапландкой.

Вот перед ними и лес. Запели первые птички, деревья уже покрылись зелёными почками. Из леса навстречу путникам выехала верхом на великолепной лошади молодая девушка в яркокрасной шапочке и с пистолетами за поясом. Герда сразу узнала и лошадь — она была когда-то впряжена в золотую карету, — и девушку. Это была маленькая разбойница. Она тоже узнала Герду. Вот была радость!

— Ишь ты, бродяга! — сказала она Каю. — Хотела бы я знать, стоишь ли ты того, чтобы за тобой бегали на край света!

Но Герда потрепала её по щеке и спросила о принце и принцессе.

— Они уехали, — отвечала молодая разбойница.

— А ворон? — спросила Герда.

— Лесной ворон умер; ручная ворона осталась вдовой, сидит с чёрной шерстинкой на ножке и жалуется на судьбу. Но всё это пустяки! Расскажи-ка лучше, как ты нашла его.

Герда и Кай рассказали ей обо всём.

— Вот и сказке конец! — сказала молодая разбойница, пожала им руки и пообещала навестить их, если когда-нибудь заедет в их город.

И она отправилась своей дорогой, а Кай и Герда — своей.

Они шли, и по дороге расцветали весенние цветы, зеленела травка. Вот раздался колокольный звон, и они узнали колокольни своего родного города. Они поднялись по знакомой лестнице и вошли в комнату, где всё было по-старому. Но, проходя в низенькую дверь, они заметили, что стали взрослыми людьми. Цветущие розовые кусты заглядывали с крыши в открытое окошко; тут же стояли их детские стульчики. Кай с Гердой сели каждый на свой и взяли друг друга за руки. Так сидели они рядышком, оба уже взрослые, но дети сердцем и душою, а на дворе стояло тёплое, благодатное лето.

Литературно-художественное издание
ДЛЯ ДЕТЕЙ МЛАДШЕГО ШКОЛЬНОГО ВОЗРАСТА

ВОЛШЕБНЫЙ МИР

Ганса Христиана АНДЕРСЕНА

Сказки

Пересказ *А. В. и П. Г. Ганзен
Т. Г. Габбе*

Иллюстрации *Людмилы Кириленко
Татьяны Плиски
Вадима Петрова
Елены Лесничей
Владимира Хорошенко
Натальи Козловой*

Редактор *Е. С. Сапелина*

Художественный редактор *М. Л. Курдюмов*

Технический редактор *С. В. Бельмас*

Корректоры *О. Г. Неро
Л. А. Дьякова*

Издание осуществлено по лицензии
ООО Издательство «Ранок»

ООО «Веста»
Свидетельство ДК № 500 от 21.06.2001
61145, Харьков, ул. Космическая, 21а (редакция)
Тел. (0572) 19-58-67, 19-48-65

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Харьковская книжная фабрика "Глобус»»
61012, Харьков, ул. Энгельса, 11

Подписано в печать 10.01.2002
Формат 60×84/8. Бумага офсетная
Гарнитура Журнильная рубленая. Печать офсетная
Усл. печ. л. 11,16
Тираж 5000 экз.
Зам. № 7-223.

ББК 84(4 Дан)
А 65
ISBN 978-966-081-576-6

© Л. А. Кириленко, Т. В. Плиски, В. В. Петров, Е. А. Лесничая,
В. Д. Хорошенко, Н.И. Козлова. Иллюстрации, 2001, 2002
© ООО Издательство «Ранок», 2002

Дюймовочка

Дикие лебеди

Огниво

Русалочка

Новое платье короля

Свинопас

Снежная королева

9789660815766